VISIT…

Древний Китай

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЖАК ЖЕРНЕ

Почетный профессор Коллеж-де-Франс

АСТ • Астрель
Москва
2004

ЖернеЖ.
Ж60 Древний Китай / Ж. Жерне; Пер. с фр, Н.Н. Зубкова. — М: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. - 157, [3] с. - (Cogito, ergo sum: «Университетская библиотека»).

ISBN 5-17-026252-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09672-6 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2.130517021(фр.)

История Китая насчитывает по крайней мере семь тысячелетий. Древнекитайская цивилизация, одна из древнейших цивилизаций мира, охватывает примерно треть этого времени. Вопреки широко распространенному мнению об изолированном развитии Древнего Китая, автор утверждает, что его следует рассматривать в связи с другими цивилизациями Азии. Древний Китай с прилегающими территориями образует мир столь же богатый и миообразный, как и мир, где развивались цивилизации Ближнего Востока и Средиземноморья.

УДК 94(315) ББК 63.3(5)

Настоящее издание представляет собой перевод оригинального французского издания «La Chihe Ancienne»
© ООО «Издательство АСТ», 2004
© ООО «Издательство Астрель», 2004
© Presses Universitaries de France, 1964
ISBN 5-17-026252-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-09672-6 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 2 13 051702 1 (фр.)

ВВЕДЕНИЕ

В книге пойдет речь об историческом периоде протяженностью в два тысячелетия. Он простирается от истоков китайской цивилизации до основания империи в 221 г. до н. э.

Принято считать, что в Китае цена тысячелетия невелика. Но надо ясно себе представлять, что за время от неолита до образования обширной централизованной империи, сравнимой по величине с Римской, но гораздо более густонаселенной и значительно превосходившей ее в развитии техники, не могло постепенно не произойти огромных перемен. И хотя Китай от нас далеко, это еще не значит, что его история ни на что не похожа, что она менее богата и сложна, чем европейская. Существует большое количество частных работ по истории Китая. Начиная с 1950 г., в стране сделано множество археологических находок. Но, к сожалению, нет обобщающих трудов, охватывающих этот исторический период и позволяющих глубоко оценить новейшие раскопки. Это сильно осложняет работу популяризатора. В книге будут отражены самые известные факты и отмечены наиболее значимые переломы истории. Однако из-за отсутствия обобщающих работ автор вынужден высказать собственную точку зрения на историю Китая.

Мы исходим из того, что за всеми переменами, происходившими начиная с неолитических культур Северного Китая начала II тысячелетия до н. э. до централизованных империй

Цинь и Хань, стоит развитие отношений населения и природной среды. Во всяком случае, постепенное одомашнивание животных, исчезновение тех или иных видов растений, их селекция и особенно распашка и мелиорация земель относятся к числу наиболее значимых фактов в истории страны. Исходя из этого можно выделить несколько этапов в истории Китая: первый — очень медленное преодоление сопротивления природы человеком от неолита до бронзового века, другой, начиная примерно с 500 г. до н. э., — стремительное и полное изменение китайского ландшафта территорий северных степей и бассейна Янцзы в связи с распространением выплавки железа. Именно тогда Китай стал той великой земледельческой империей, которой оставался вплоть до новейшей эпохи. Следует выделить два события в истории техники, имевшие глубочайшие последствия для развития страны: выплавку бронзы, начало которой совпадает по времени с первыми успехами китайской цивилизации, и выплавку железа, позволившую быстро распахать все равнины, что привело к быстрому расцвету Китая. Разумеется, что общество и политический строй изменялись вместе с естественными условиями, плотностью населения, способами производства и производительными силами. Но мы сочли нужным выделить именно эти события.

Наряду с главными фактами истории техники, приводящими к изменениям в обществе (шлифовка камня; появление бронзы и колесниц; производство железа из руды и появление регулярной пехоты), наши суждения основаны на данных о местах проживания людей. Взятые в совокупности, эти факторы надежно предостерегают от всякого рода упрощений.

Существует точка зрения, что Китай всегда жил в изоляции. Действительно, низменное заболоченное побережье Северного Китая и отсутствие близлежащих островов не способствовали развитию мореходства. Освоение гористого юга было начато поздно и шло очень медленно. Громады почти непреодолимых гор преграждали путь к китайцам на западе и юго-западе и, наконец, пустыни и степи Монголии и Синьцзяна (Китайского Туркестана) служили преградой для проникновения влияний развитых цивилизаций Западной Азии. Но эта изоляция никогда не была абсолютной: об этом свидетельствует вся история Китая. Возникновение китайской цивилизации, изобретение сплавов и колесницы, появление первых городов-дворцов в среднем течении Хуанхэ невозможно объяснить, не учитывая отдаленных влияний (возможно, из областей к югу от Урала) через посредство степных народов. Долг Китая перед кочевыми народами и оседлыми цивилизациями Центральной Азии и Среднего Востока огромен. Гунны, тюрки, монголы, маньчжуры, согдийцы, персы, индийцы и арабы не только сыграли подчас первостепенную роль в его истории, но и оказали глубокое влияние на искусство, развлечения, технику, мысль и религию китайцев. История Китая не может рассматриваться изолированно от истории других цивилизаций Азии. Связи между ними иногда на время прерывались, но никогда не рвались полностью.

С другой стороны, Китай с прилегающими территориями образует мир столь же богатый и многообразный, как и тот, в котором развивались цивилизации Ближнего Востока и Средиземноморья, если принять во внимание разнообразие географических условий и образа жизни китайцев от Сибири до южных окраин Китая и от Тибетского нагорья до дельты Янцзы.

Районы, благоприятные для земледелия, где первые обработанные поля на Великой Китайской равнине и в лёссовых областях Шэньси и Шаньси (лёсс — неслоистая, однородная, тонкозернистая известковистая осадочная горная порода светло-желтого или палевого цвета) появились во время неолита, сильно отличаются от степей Севера, пригодных только для скотоводческой или полускотоводческой жизни. Отношения между земледельцами-китайцами и китайскими кочевниками-скотоводами стали одним из важнейших факторов политической и культурной истории Китая.

С другой стороны, китайцы, обладавшие развитыми техническими средствами,

противопоставляли себя первобытным народам, населявшим большую часть территории, по которой впоследствии распространилась китайская цивилизация (собирателям, охотникам, скотоводам, неоседлым земледельцам, рыбакам, населявшим современную провинцию Чжэцзян и берега Янцзы). С древнейших времен на протяжении всей истории Китая эти народы либо постепенно ассимилировались с китайцами, либо вытеснялись ими в горы. Некоторые из этих народов до сих пор живут в горных районах Южного Китая и на Индокитайском полуострове.

С того момента, как области среднего течения Янцзы и дельты этой великой реки (первоначально населенные варварами) стали играть историческую роль, становится видно, насколько противоположны по образу жизни, темпераменту и традициям жители Северного Китая — земледельцы, питающиеся просом и пшеницей, и Южного Китая — рыбаки и моряки, основу рациона которых составляет рис.

Но помимо сразу видных различий между Китаем Хуанхэ и Китаем Янцзы существует большое разнообразие местных культур. Это связано с тем, что Китай отнюдь не был единым целым: он представлял собой совокупность нескольких областей со своей историей и часто не похожим между собой населением. Эти области отделялись друг от друга тянущимися, по большей части, с запада на восток горными хребтами. Благодаря этому важную стратегическую и торговую роль в истории Китая играли перевалы (проходы между Шэньси и Хэнанью, Шаньси и Хэбэем, Шэньси и Сычуанью, Хэнанью и Хубэем и т. д.). В то время, как воздействие на китайцев народов, живших в отдалении, было довольно слабым и непостоянным, влияние населения соседних местностей, как единоплеменников, так и непосредственных соседей (тибетских скотоводов в Сычу-ани, степных кочевников в Шаньси, рыбаков из низовьев Янцзы) всегда было заметным. Названия некоторые из этих областей начинают встречаться в истории очень рано, часть из них совпадает с современными провинциями. Автору кажется, что необходимо выделить следующие регионы, где своеобразие проявилось очень ярко:

— Великая Китайская равнина до долины Хуайхэ, на территории которой расположены современные провинции Хэнань и Хэбэй, западный Шаньдун и северный Аньхой. Там возникла цивилизация бронзового века и появились первые города-дворцы;

— Шаньсийское плато (государство Цзинь);

— Северо-Шэньсийская котловина и продолжающий ее коридор Ганьсу (в начале I тысячелетия до н. э. — центр Западного Чжоу, а позднее — царства Цинь);

— полуостров Шаньдун (царство Ци);

— бассейн среднего течения Янцзы (царство Чу);

— равнины низовьев Янцзы (юг провинции Цзянсу — царство У — и северная часть провинции Чжэцзян — царство Юэ);

— красноземы Сычуани (государство Шу).

Для полноты картины следует добавить приморские и горные районы юго-востока Китая и равнины окрестностей Кантона, но они становятся известны в истории в более поздний период.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

I. — Источники

Долгое время наука черпала сведения о древности Китая лишь из китайской книжной традиции. В XVIII в. в Европе сложился образ Древнего Китая благодаря миссионерам-

иезуитам на основе рационализированных легенд, соединенных в связный исторический рассказ с нравственной подоплекой, согласно которому китайская цивилизация восходит к началу III тысячелетия до н. э.

В V в. до н. э., в тот момент, когда сложилась эта ортодоксальная традиция, поведение и менталитет людей архаической эпохи были уже непонятны. Поэтому социальные установления, магические и религиозные ритуалы, о которых к тому времени сохранились лишь устные воспоминания, были произвольно истолкованы как исторические события. Их отнесли ко времени правления того или иного го- сударя. То, что китайское предание, относящееся к отдаленному прошлому Китая, не имеет никакой исторической ценности, вольные и смелые умы выяснили уже в маньчжурскую эпоху. Но зато благодаря архаическим мифам и отрывкам легенд, с трудом поддающимся датировке и не привязанным к какому-то определенному месту, уцелевшим вопреки рационализаторским усилиям китайских историков, приоткрывается истина. По ним ученые могут восстановить некоторые древнекитайские обычаи и представления о мире. Марсель Гране первым понял и показал остальным, как нужно использовать чудом уцелевшие легенды. Правда, он справедливо писал о тщетности исторических реконструкций в те времена, когда археологических данных недостаточно.

Археологические раскопки в Китае начались сравнительно недавно. До Второй мировой войны была немного и очень плохо изучена предыстория Восточной Азии. Только с 1928 г. начались научные раскопки города Аньян на северо-востоке Хэнани, крайне важные для изучения цивилизации Шан, или Инь. В 1937 г. из-за японской агрессии они были прерваны. Со времени случайного открытия Аньяна в 1899 г. до 1928 г. там велись нелегальные раскопки, а как только ученые и коллекционеры проявили интерес к образцам древних надписей и бронзовых изделий из этой древней столицы, в продаже у антикваров появилось множество подделок, подрывавших доверие к этому исключительно ценному открытию.

Однако благодаря раскопкам в Аньяне, проведенным в 1928—1937 гг. и возобновленным после создания КНР, мы располагаем богатейшим археологическим материалом о китайской цивилизации XIV—XI в. до н. э.: многочисленными подлинными надписями, планом дворцов, плавильных и литейных печей, укреплений, предметами из больших царских гробниц, оружием, священной и бытовой утварью, колесницами. Научная литература о городе Аньян уже весьма обширна. Но и помимо этого города вследствие больших работ, ведущихся начиная с 1950 г., археологические находки появляются в таком темпе, что их не успевают научно обрабатывать. В Хэнани обнаружены города бронзового века, более древние, чем Аньян[1]. Многие находки позволили также лучше познакомиться с периодом между эпохой Шан и основанием империи. Об открытиях чрезвычайной важности сообщается почти ежегодно. Вслед за железоплавильными печами царства Янь в окрестностях Пекина, целыми колесницами, найденными в Хэнани, лаковыми росписями царства Чу из области Чанша в Хунани, явились неисчерпаемые археологические сокровища из многочисленных гробниц, открытых после 1970 г.: превосходно сохранившиеся мумии, украшенные нефритовыми пластинками, бронзовые предметы, картины, ткани, древние тексты и т.д. За последние несколько лет китайская археология обогатилась больше, чем за все предшествующее столетие. Весьма немногочисленные до войны археологические находки эпохи палеолита и неолита ныне тоже насчитываются сотнями. Обнаружено уже больше 3000 археологических объектов эпохи шлифованного камня. Вероятно, китайская земля скрывает и другие поразительные сокровища, так что можно полагать, что после обработки новых археологических данных наши знания о китайской древности и обстоятельствах возникновения цивилизации бронзового века в

[1] Всего начиная с 1959 г. обнаружено 128 поселений эпохи Шан.

бассейне реки Хуанхэ станут более точными.

Как ни важны подлинные свидетельства, предоставляемые нам археологическими открытиями, общее направление развития истории, а также сведения о последних пяти веках перед созданием империи по-прежнему опираются в основном на многочисленные письменные источники. Часть из них была основой традиционного образования в императорском Китае вплоть до начала XX в: это классические сочинения конфуцианской школы. Тщательный анализ филологов позволил выделить в них позднейшие вставки эпохи Хань или еще более поздние. Многие другие древние сочинения также оказались написанными позднее традиционно принятых дат. Тем не менее, в этих текстах достаточно сведений, на которые может опираться история доимператорского Китая. Нередко случается, что только сравнивая тексты и археологические данные, можно понять суть происшедшего события.

Благодаря раскопкам, в наши дни начинает оформляться новая концепция, по которой Китай древнейшей поры прошел путь развития, подобный развитию древних цивилизаций Ближнего Востока и Средиземноморья. Эта концепция положена в основу данной книги. Автору хотелось бы по мере возможностей способствовать ее дальнейшему распространению.

II. — Хронологические рамки

Выделим следующие исторические периоды:

1. Неолит (от VIII тысячелетия(?) до начала II тысячелетия до н. э.). — Стратиграфический анализ позволяет выделить смену ряда неолитических культур, особенно в Хэнани и на юге Хэбэя — в том регионе, где позднее родились цивилизация бронзового века. Возможно, некоторые развитые неолитические культуры конца этого периода соответствуют полулегендарной династии Ся (традиционные даты: XXII—XIX вв.), но собственно китайская цивилизация начинается лишь с бронзового века.

2. Бронзовый век (от ХУШ(?) — конец VI в. до н.э.). — В эту эпоху возникает династия Шан, или Инь. В самой Шан[2] можно выделить период до основания столицы близ современного Аньяна и заключительный, аньянский период (от Х1Ув. до начала XI в.; традиционные даты: 1384—1111гг.). Династию Шан сменила Чжоу, вначале, до середины VIII в. до н. э. занимавшая территорию в долине Вэйхэ в Шэньси (откуда название «Западная Чжоу»). В течение следующего периода (VII—VI вв.) появилась династия Восточная Чжоу со столицей в Лояне на северо-западе Хэнани, возникли могущественные окраинные государства, подчинившие себе малые города на Великой Китайской равнине. Это так называемая эпоха государств-гегемонов[3], переходная от архаической эпохи к эпохе возникновения крупных государств. Она приблизительно соответствует тому времени, которое охватывает хроника царства Лу «Чуньцю» («Весны и Осени»).

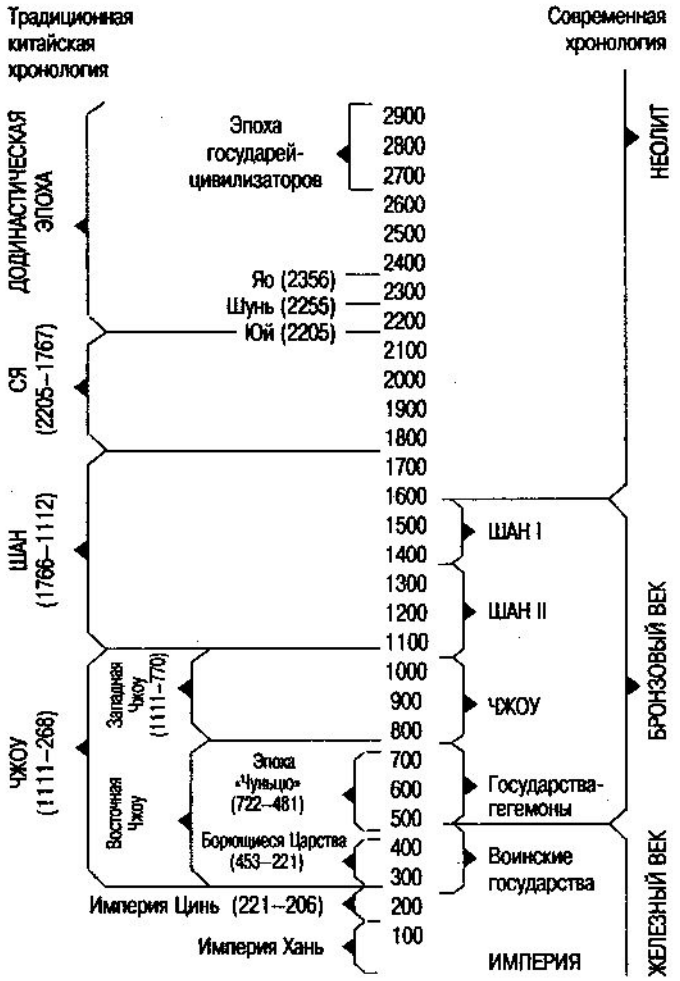
3. Начало железного века (ок. 500 г. до н. э. до образования единой империи в 221 г. до н. э.). — В течение этих трех столетий произошли глубокие изменения, приведшие к возникновению воинственных государств (с середины V в. до н. э. этот период традиционно называется эпохой Борющихся царств). Возникновение государственных структур в больших царствах этой эпохи связано с социально-экономическими переменами, превратившими Китай в страну, совершенно непохожую на ту, что существовала в архаическую эпоху. Эти государства, особенно Цинь в Шэньси, были прообразом империи.

---

[2] В отечественной историографии более принято название Инь. — *Прим. пер.*

[3] В русской китаеведческой традиции «Разделенных государств» (кит. Лего). — *Прим. пер.*

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА



Разумеется, что хронологические границы распространения железа и особенно перехода от шлифованного камня к бронзе не столь отчетливы, как может показаться из таблицы.

Глава II

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА И НАЧАЛО КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

I. — Палеолит

О глубочайшей доисторической древности мы скажем всего несколько слов. Эпоха палеолита уводит нас в такие отдаленные времена, которые относятся к истории не столько Китая, сколько человечества как вида. Тем не менее, следует напомнить, что долина Хуанхэ издавна была населена предками homo sapiens, а также что основные периоды доисторической эпохи здесь приблизительно совпадают с периодизацией, сложившейся в области Африки, Европы и западной части Азии. Синантроп, или пекинский человек — один из древнейших известных гоминид; по оценке жил около 500000 лет тому назад. Вероятно, он умел пользоваться огнем, жил охотой и собирательством. Возможно, был каннибалом. Синантроп был открыт в 1921 г. в пещере Чжоукоудянь близ Пекина и упоминается ныне во всех учебниках по доисторической эпохе. Но после того в Китае были сделаны и другие находки: останки других экземпляров синантропа обнаружены в Шаньси. Один из них считается более ранним, чем

пекинский человек (находка 1960 г.), другой более поздним (динцуньский человек, 1954 г.).

Гипотеза, что в Южном Китае существовали гигантские питекантропы, также относившиеся к нижнему палеолиту, ростом в три—шесть раз превосходившие современного человека, была основана на находке зубов огромного человекообразного у некоего китайского аптекаря в Гонконге (традиционная китайская фармакопея всегда высоко ценила кости, считавшиеся весьма древними и называвшиеся «костями дракона»). Эти догадки были подтверждены археологическими находками зубов и фрагментов челюстей в Гуанси (1956 и 1957 г.). «Гигантопитек» из Гуанси близок яванскому мегантропу, их родство доказывает весьма древние связи между Китаем и Юго-Восточной Азией.

Средний и верхний палеолит в Китае представлены хуже. К среднему палеолиту относятся находки, сделанные в 1922 г. в районе Нинся, в верхнем течении Хуанхэ при начале Ордосской излучины. К нижнему палеолиту, совпадающему с периодом великой засухи, приведшей к образованию лёсса, — находки в Ордосе (1923) и захоронения в верхней Чжоукоудяньской пещере (1921—1937), месте обнаружения первых синантропов. Более поздние открытия были сделаны в Сычуани (1951) и Гуанси (1956).

Для мезолита, начавшегося предположительно 25000 лет назад, — переходного периода от палеолита к неолиту — характерно производство мелких каменных орудий. Он известен по раскопкам в Маньчжурии (1926—1928), Гуанси (1933) и Сычуани (во времена японского нашествия). В этот период проявляется чрезвычайно важная для истории человека на Дальнем Востоке климатическая дифференциация: лесистым долинам собственно Китая уже тогда противопоставляется зона степей в районе современной Монголии; иначе говоря, используя термины П. Тейяра де Шардена, «лёссовому Китаю» уже противопоставлен «песчаный Китай». Климат Китая в течении Хуанхэ, покрытой лесами и болотами, был жарким и влажным, и сохранился таким, вероятно, до начала I тысячелетия до н. э.

П. — Неолит

1. Периодизация неолита. — Начиная с середины XX века многочисленные археологические открытия во всех районах Китая и его окрестностях чрезвычайно обогатили наши знания о его древнейшей истории, нередко закрепленной и в письменных источниках. Они внесли глубокие перемены в традиционные представления об истоках китайской цивилизации, которая предстала продуктом весьма разнообразных культур.

Время около 8000 г. до н. э., когда экономика еще только зарождающегося земледелия пришла на смену экономике племен, живших охотой, собирательством и рыбной ловлей, изучено еще плохо. Но для последующих тысячелетий археологических данных достаточно. Следы стоянок, датирующихся между 6500 и 5000 гг. до н. э., в долинах Вэйхэ (современная Шэньси) и среднем течении Хуанхэ многочисленны и свидетельствуют об уже развитом сельском хозяйстве (культура проса *Setaria italica* и *Panicum miliaceum,* одомашнивание свиньи, собаки и, возможно, кур) с разнообразными каменными и костяными орудиями. Керамика еще довольно груба, но в разных областях довольно сильно отличается по форме и орнаменту. Однако древнейшие керамические черепки, украшенные преимущественно орнаментом с узорами «плетенки», обнаружены в Южном Китае. Эти находки являются свидетельством южной неолитической культуры, существовавшей значительно ранее 5000 г. до н. э., о которой раньше даже не подозревали. Недавние открытия показали, что в более позднее время на обширных территориях существовали несколько крупных самостоятельных культур:

1. Культура Яншао, известная по сотням стоянок (по радиоуглеродной датировке между 5150 и 2960 г.), была распространена от Ганьсу до Великой Китайской равнины, включая юж-ные районы Шаньси и Хэбэя. Это зона лёсса, сформировавшегося в плейстоцене и

доныне залегающего толстым слоем на северо-западе Китая. Культура Яншао, далеко не однородная, в целом характеризуется преобладанием земледельческой культуры в сочетании с охотой, рыбной ловлей и собирательством, использованием каменных мотыг, лопат, ножей и жерновов, разведением свиней и собак, а возможно, и крупного рогатого скота. Керамика обнаруживает значительные региональные вариации в технике изготовления и орнаменте, расписном или плетеночном. Сосуды украшены геометрическими фигурами, а иногда сильно стилизованными красными или черными изображениями рыб.

2. Культура Давэнькоу (ок. 4746—3655 до н. э.) охватывает полуостров Шаньдун и часть огромного бассейна притоков Хуанхэ. Ее экономика, как и Яншао, основана на культуре проса. Форма сосудов сложнее, а их орнамент бывает ажурным, выполненным аппликацией или вдавливанием соломинок. Разнообразие оттенков и однородность гончарной массы показывают, что глина тщательно отбиралась.

3. В долинах среднего и нижнего течения Янцзы выделяются еще четыре культуры примерно одного времени и одинакового технического уровня с Яншао и Давэнькоу. Но здесь примерно с V тысячелетия основным злаком являются два вида риса — *Oryza sativa japonica* и *Oryza sativa indica.* Одомашнивание буйвола засвидетельствовано одновременно с одомашниванием свиньи и собаки. Деревянные и костяные инструменты преобладают над каменными, а постройка домов привела к появлению искусного соединения бревен посредством шипов и пазов. Именно на нижней Янцзы открыты древнейшие ткацкие челноки. К середине IV тысячелетия температура в гончарных печах здесь достигала 950-1000 градусов.

4. Южнее, в приморских провинциях Фуцзянь и Гуандун, а также на Тайване жили племена, вероятно, позднее перешедшие к земледелию и занимавшиеся примитивными формами садоводства. Они еще мало изучены.

2. Династия Ся. — По мере развития различных культур среднего неолита, между ними увеличивались контакты, происходил обмен, возникали более обширные и однородные территориальные объединения. В IV и III тысячелетиях отмечаются значительные технические усовершенствования: искусная обработка нефрита, производство изделий из бамбука, шелковое и конопляное ткачество на нижней Янцзы, усовершенствование орудий из камня, ракушек, кости и дерева, более частое использование гончарного круга, появление "чрезвычайно элегантной по форме и тонкой по выделке керамики в Северном Китае. Некоторые черты: форма сосудов, обычай гадания на обожженных костях животных, постройки на уровне земли, а не полуземлянки, жертвоприношения на закланье и погребальные — уже предвосхищают бронзовый век. Начинается обработка меди и сплавов с большим содержавшем меди. Хотя до сих пор нет археологических данных, которые можно было бы точно связать с династией Ся (традиционные даты 2207—1766 гг. до н. э.), от которой в истории сохранился только список государей, совокупность черт этой культуры, характерных уже для бронзового века, позволяет считать существование такой династии весьма вероятным. Именно в контексте развитой неолитической культуры, при сравнительно высокой плотности населения родился, вероятно, тип города-дворца, который развился позднее, во II тысячелетии, когда власть была основана на обладании бронзовым оружием. Общие условия были примерно аналогичны тем, которые породили первые цивилизации Месопотамии, долины Инда и Египта, также возникшие в бассейнах крупных рек. Таким образом, правомерно отнести первые города-дворцы и первые проявления китайской цивилизации к концу III тысячелетия до н. э.

III. — Начало цивилизации бронзового века

Новейшие открытия свидетельствуют, что переход от шлифованного камня к бронзе совершался постепенно и между двумя эпохами не было резкого разрыва. Перед Второй мировой войной о такой преемственности и не думали. Китайский неолит был тогда изучен значительно хуже, чем сейчас, а открытие поселения Аньян доказало существование цивилизации бронзового века, о предшественниках которой ничего не знали. Техника бронзовых изделий в Аньяне (Х1У-Х1 вв. до н. э.) была настолько совершенна, что родилось предположение, будто это высочайшее искусство было импортировано в Северный Китай в течение II тысячелетия до н. э. Но начиная с 1952 г. благодаря раскопкам были обнаружены более ранние, чем Аньян, шанские поселения. Обнаруженные там бронзовые предметы немногочисленны и орнаментированы весьма примитивно. Большая их часть — инструменты и оружие (преимущественно ножи и наконечники стрел). Но эти поселения обнаружили и другие архаические черты. Строения в них полуземляночные, как и в эпоху неолита — четырехугольные углубления, иногда укрепленные глинобитными стенами. Плоские кости для гадания на огне изготовлены еще грубо.

Таким образом представляется, что техника бронзы и других ремесел, архитектура, гончарное производство, резьба по дереву, астрономические знания, гадания и религиозные обряды в начале бронзового века и в последние века II тысячелетия до н. э. совершенствовались медленно. Теперь не осталось сомнений, что искусство выплавки бронзы родилось в самом Китае. Просто понадобилось несколько веков, чтобы древние китайцы достигли того уровня мастерства, о котором говорят предметы, найденные в Аньяне, так что начало бронзового века, вероятно, соответствует началу династии Шан или же лишь ненамного ранее. Можно предположить, что начало выплавки бронзы в Китае относится ко времени около 1700 г. плюс-минус столетие. Но напомним, что традиция относит воцарение династии Шан именно к XVIII в. до н. э.[4]

Но хотя ныне следует отказаться от гипотезы об иноземном завоевании или заимствовании и признать, что техника бронзы родилась в самом Китае, из этого не следует, что она возникла сама по себе: в появлении этой техники на берегах Хуанхэ должны были сыграть роль и дальние влияния. Уже в неолите расписная керамика Яншао дает доказательство существования связей между этим регионом и странами вокруг Каспийского моря. Район среднего течения Хуанхэ, расположенный на перекрестке торговых путей, всегда был открыт влияниям, идущим из Сибири и оазисов Средней Азии. Что касается бронзы, на мысль естественно приходят те регионы, в которых искусство сплавов появилось раньше всего: Месопотамия или, еще скорее, южнорусские области, куда искусство бронзы распространилось из первоначального своего очага; затем посредниками могли послужить степные племена, через которых плодотворная идея производства металлических сплавов достигла Серного Китая.

Уже в эпоху Шан есть признаки долговременных иностранных влияний и связей с зарубежными странами. Так называемая карасукская культура в Южной Сибири (собственно, «а занимала пространство к северу от Алтая и в районе озера Байкал до бассейна Селенги и Монголии) некоторыми чертами явно напоминает цивилизацию Шан и раннего Чжоу (формы и стиль бронзового оружия и бытовых предметов, употребление боевых колесниц). Некоторые формы гончарных изделий Шан встречаются в Джемдет-Насре и Мохенджо-Даро в Северо-Западной Индии. Нефритовые изделия, найденные в Аньяне, как и более поздние, несомненно, импортированы из Центральной Азии. Некоторые животные мотивы любопытным образом напоминают месопотамские: змеи,

[4] Аргументация А. Масперо, согласно которому 30 царей династии Шан не могли царствовать более 450 лет, потому что «средняя продолжительность царствования в 15 лет превосходит все исторические династии Китая», не кажется убедительной. Ведь всего десять императоров маньчжурской династии правили 268 лет. Таким образом, непонятно, почему царствование 30 государей Шан не могло занимать период времени около шести столетий.

сцепившиеся хвостами, тигры и другие животные, повернутые друг к другу, как на воротах древних Микен, с человеческой фигурой между ними. Позднее, в самые блестящие эпохи китайской истории, именно из этих стран (Китайский Туркестан, Трансоксиана, Иран и Северо-Западная Индия) придут новые интеллектуальные и художественные влияния. В эпохи Хань и Тан китайская музыка, скульптура, игры, фольклор и религия будут многим обязаны заимствованиям, пришедшим из этих регионов. Вплоть до XII в. китайские столицы — города с разноплеменным населением — будут располагаться в плодороднейших областях средней Хуанхэ, где на перекрестке дорог, ведущих на север и северо-запад в монгольские степи и среднеазиатские оазисы, а на юг к долине Янцзы, и родилась первоначально цивилизация бронзового века.

Область средней Хуанхэ, начиная с шанской эпохи, была связана также с Южным Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Гигантские черепахи, брюхо панциря которых в конце II тысячелетия служило для гаданий, давались в дань населением долины Янцзы, куда их привозили, возможно, из Малайзии. Каури - ценные раковины, служившие деньгами при Шан и Западной Чжоу, — доставлялись, видимо, из Бирмы или с Мальдивских островов. С юга привозилось также в виде слитков олово, необходимое для производства бронзы. Некоторые шанские изделия из бронзы, на которых изображены лица меланезийского или негроидного типа (широкое круглое лицо с плоским носом), также подтверждают существование связей между щан-ским Китаем и странами Юго-Восточной Азии[5].

В заключение укажем, что можно провести параллели между резными изображениями животных эпохи Шан и Чжоу и изображениями на столбах-тотемах северо-запада Северной Америки. Поразительная аналогия мотивов и их расположения указывает на существование сношений между архаическим Китаем и Северной Америкой через Берингов пролив[6].

Таким образом, все подводит к заключению, полностью сохраняющему богатство известных фактов и примиряющему внешне противоречивые данные: с самого начала оригинальность китайской цивилизации нисколько не исключает разнообразных внешних влияний. Это заключение сохраняет силу и для всей китайской истории.

Глава III

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА: ШАН И ЗАПАДНАЯ ЧЖОУ (ОКОЛО XVIII-VIII вв. до н. э.)

I. — Экономика и общество

1. Основные следствия появления бронзы. — ткрытие выплавки бронзы оказало определяющее влияние на формирование китайской цивилизации. Несомненно, между концом неолита и бронзовым веком существует преемственность. Но китайская цивилизация, обладающая характерными чертами, начинается с эпохой бронзы. Ведь именно тогда появляются, с одной стороны, главные технические достижения китайцев (повозка, запряженная лошадьми, письменность, календарь, новые архитектурные формы и т. д.), а с другой стороны, основополагающая историческая дихотомия горожан (знатных воинов и охотников) и крестьянства. Новейшие археологические открытия подтверждают то, что в 1925 г. Марсель Гране чисто интуитивно вывел из тонкого анализа фрагментов преданий и мифов. «Если

---

[5] Об отношениях между шанским Китаем и другими цивилизациями Азии см.: *Li Chi*. The Beginnes of Chinese Civilization. Seattle, 1957.

[6] См.: *Leroi-Gourhan A*, Bestiaire du bronze chinois de style Tcheou. Paris, 1936.

наша индукция правильна, — писал он[7], — то появление военных округов и городов, установление военно-феодального строя, распадение сельских общин на группы крестьян и горожан можно датировать на основании истории техники. Можно полагать, что *кристаллизующим фактором* было появление в Китае обработки бронзы и торговли ею».

Сосуществование и взаимодополнительность сельского и городского населения действительно были одной из древнейших системообразующих черт китайской цивилизации. Первые города бронзового века были основаны в зоне древних неолитических распашек. С самого начала открытие металлических сплавов привело к разделению труда: сельское население, прежде занимавшееся как охотой, так и растениеводством (возможно, эти занятия распределялись между двумя полами), ныне, оказавшись под опекой знатных горожан, обратилось почти исключительно к земледельческому труду, а городские жители стали преимущественно воинами и охотниками (впрочем, в архаическом Китае между охотой и войной было много общего).

2. Место земледелия в экономике архаического Китая. — Вопрос, какое место занимало земледелие в Китае эпохи Шан, был предметом олгих споров. Долгое время было принято считать, что китайская цивилизация с самого начала приняла законченный вид и уже в древнейшую эпоху была почти исключительно земледельческой. На самом деле лишь относительно поздно, в течение последних пяти веков до нашей эры, обширные территории Северного Китая и долины Янцзы стали густонаселенными и полностью обработанными. Чтобы достичь такого уровня развития, требовалась развитая государственная структура, которой еще не было в архаическую эпоху, и широкое распространение новой техники — в частности, выплавки железа. В конце же II тысячелетия до н. э. бассейн Хуанхэ был совсем не таким, как при возникновении империи: по всем имеющимся свидетельствам, он был занят кустарниками и обширными болотами с необычайно богатой фауной. Эти места изобиловали птицей, рыбой, крупной и мелкой дичью (оленями разных видов, тиграми, дикими быками, медведями, кабанами, дикими котами, а также волками, лисами, обезьянами и другими мелкими животными). Самой крупной добычей во время царской охоты были вепри и олени, они исчислялись десятками. Сохранилась надпись, говорящая о 348 оленях, убитых на одной охоте. Но в эпоху Шан в бассейне Хуанхэ водились и такие животные, которых мы не ожидали бы встретить в столь высоких широтах: слоны, носороги, буйволы, пантеры, антилопы, леопарды, тапиры. Существование тропической или субтропической фауны в Китае тех времен подтверждается как надписями, обнаруженными при раскопках Аньяна, так и находками скелетов животных.

Равнины Северного Китая IX—VIII в. до н. э., представление о которых можно было составить, читая древние стихотворения «Шицзин», не слишком отличались от равнин эпохи Шан. Большую их часть занимали болота и леса из невысоких деревьев (вяза, дикой сливы и груши, каштана, кипариса); обильны были растения, служившие для собирательства. Природа по-прежнему была чрезвычайно богата дичью, и влияние человека на нее почти не замечалось. Благодаря богатству фауны и флоры можно с уверенностью сказать, что население архаического Китая было редким. Распространение видов животных, характерных для жарких стран, позволяет также с большой уверенностью утверждать, что климат Северного Китая конца II — начала I тысячелетия до н. э. был более теплым и влажным, чем сейчас. Больше земель стали распахивать тогда, когда климат изменился: стало холоднее и суше. Начиная с V— III вв. до н. э. в Северном Китае растительный и животный мир стал другим.

---

[7] *Granet M.* Dances et legendes de la Chine ancienne. Paris, Prasses universitaires de France, 1959. V. 1, p. 53.

Шанцы, как и люди конца неолита, широко использовали дерево для построек и изготовления посуды. Множество дошедших до нас бронзовых ваз — сосудов с угловатыми формами — скопированы с деревянных. С другой стороны, в искусстве Шан были сильны анималистические мотивы не только в орнаменте, но и в формах. Шанцы продемонстрировали поразительную выдумку и изобретательность при изготовлении сосудов в форме баранов, сов, носорогов, слонов и т.п. Таким образом, и в искусстве эпоха Шан проявляет себя как цивилизация охотников и скотоводов, а не земледельцев.

Наконец, несомненно, важным родом деятельности населения Шан было разведение крупного и мелкого рогатого скота, а также упряжных лошадей. Сохранились следы архаических танцев, первоначально, видимо, бывших плясками скотоводческих объединений[8]; в надписях часто упоминаются жертвоприношения десятков баранов и быков.

Все эти соображения заставляют считать роль растениеводства в экономике архаического Китая ограниченной. Изначальное своеобразие китайской цивилизации состояло не в земледелии, которое на плодородных землях нижней Хуанхэ было известно и распространено уже с неолита, а в тех нововведениях, которые в жизнь шанцев внесло благородное сословие, жившее в окруженных стенами городах. Эту точку зрения подтверждает достаточно примитивный характер сельскохозяйственного инвентаря. Орудия крестьянского труда эпохи Шан примерно такие же, как орудия протокитайцев неолитических культур: каменная мотыга, двухлемешная деревянная соха, овальный или серпообразный нож — обычно сланцевый, иногда сделанный из створок раковин. Выращивались такие злаки, как сорго, ячмень, два сорта проса (желтое и черное) и разновидность конопли со съедобными семенами. Домашние животные также были те же, которых разводило население поздненеолитических культур: свиньи, собаки, куры. Наконец если верить литературным свидетельствам времен Западной Чжоу, огромный вклад в питание сельского населения вносили ловля пресноводной рыбы, охота на мелкую дичь, собирание трав и диких плодов.

Итак, ясно, что культура зерновых в Китае конца II — начала I тысячелетия до н. э. далеко не занимала того господствующего положения, как это было в IV—III вв. до н. э. и позднее. Наоборот, в архаической эпохе поражает огромное разнообразие ресурсов и диверсифицированный характер экономики.

3. Разнородность архаического общества. — Из факта, что экономика была столь разнообразна, можно было бы *a priori* сделать вывод об относительной социальной разнородности архаического населения, и история это подтверждает. Как благородное городское население, так и сельские жители, по-видимому, не представляли собой однородных единств.

Китайцы жили в окружении варваров[9]. Но эти племена поддерживали с китайцами столь тесные отношения, что те и другие дополняли друг друга и во всяком случае не могут изучаться в отрыве друг от друга. Частые набеги и карательные экспедиции, обмен имуществом и женами постепенно интегрировали варваров в китайский мир. Влияние городов-дворцов падало по мере удаления от них, и в представления древних китайцев о мире эта зависимость от расстояния нашла отражение: ближняя к городу зона является частью этого мира, далее живут союзные и покоренные варвары, еще дальше — те, с которыми китайцы поддерживали эпизодические контакты, наконец, еще дальше —

---

[8] См.: *Granet M.* Dances et legendes de la Chine ancienne. 40

[9] Возможно, некоторые из этих племен были предками этнических групп, известных в истории Дальнего Востока позднее: тайцев, тибетцев, тюрко-монголов, может быть, айнов. Но стоит ли специально говорить, что «расовой проблемы» при этом не существует? Смешанные браки во все времена были слишком многочисленны, чтобы можно было пользоваться термином «раса», а главное — физиологические особенности в сравнении с культурными реалиями столь малозначительны, что ими практически можно пренебречь

совсем неизвестные существа, которых древние китайцы представляли себе чудовищами и не отличали от диких зверей.

В этот непрерывный процесс слияния с окружающими племенами постоянно вносили вклад брачные связи, обновлявшие и укреплявшие городскую знать. Военные же экспедиции, безусловно, позволяли увеличивать число подданных. Вероятно, военнопленные составляли в Древнем Китае довольно значительную долю низших классов; таким образом варвары постепенно превращались в китайцев уже на территории самих городов.

Говоря еще более обобщенно, разнообразие занятий, вероятно, предопределяло и разнообразие социальных ролей, отразившееся в языке: пастухи и оседлые животноводы, приставленные к лошадям рабы, городские ремесленники (гончары, тележники, литейщики и др.) составляли особые группы населения, имевшие разную степень личной свободы. Но и земледельцы, очевидно, не представляли собой однородной массы.

4. Крестьянство. — Земледельцы были только частью низших классов, но, вероятно, самой важной и впоследствии наиболее развившейся**.** Хотя техника земледелия эпохи Шан почти не отличалась от техники их неолитических предков, соседство с городами-дворцами полностью изменило их образ жизни: теперь они находились под культовым и военным покровительством защищенного города, а социальное положение крестьян приводило их к узкой специализации на растениеводстве и домашнем животноводстве. Продукты деятельности крестьян: злаки, спиртные напитки, свиньи и съедобные собаки — приносились в жертву и городским населением; в частности, жертвоприношения свиней, упоминаемые в храмовых надписях из Аньяна, были весьма обильными. Царская власть обеспечивала будущий урожай и состояние погоды (всегда ненадежное), превратности которой могли иметь серьезные последствия для посевов: ведь власть была прямо связана с Небом. Другое же объяснение царскому попечению о земледелии — наверное, не то, что благородное сословие потребляло много зерна (оно ело преимущественно мясо), а то, что для религиозных обрядов требовалось много спиртного. Кроме того, уже по крайней мере в эпоху Чжоу деревенские надзиратели подробно регламентировали ход сельских работ. Их главная роль состояла в межевании; более поздние авторы, может быть, и ошибались, видя в этих должностных лицах настоящих агрономов. Вероятно, в те времена, когда плодородные земли Северного Китая были еще мало населены, распределение земель между посевами разных культур, пастбищами и охотничьими угодьями имело больше значения, чем повышение урожайности.

Впрочем, в архаическую эпоху проблема ; собственности на землю практически не стояла. Единственной известной формой землевладения был удел, то есть, в первую очередь, своего рода военно-религиозное главенство над строго определенной территорией, ограниченной земляными насыпями (фэн)[10]. В таком случае передача удельному князю зерна, спиртного и домашнего скота была повинностью религиозного характера: продукты, определяющие ценность данной местности, предназначены для жертвоприношений, их потребление требует предварительного освящения. Экономики как таковой существовать еще не могло, а отношения между людьми далеко еще не получили ого абстрактного характера, который приобретут с введением в обиход денег и договорных отношений.

---

[10] Земельные наделы в дар своим военачальникам и другим знатным людям цари и правители городов начали передавать, вероятно, только начиная с эпохи Западной Чжоу. Но и тогда установленным фактом является лишь право присваивать себе часть земледельческой продукции, и говорить применительно к этой эпохе о «крупной земельной собственности» — явное преувеличение. Другую точку зрения см.: *Maspero H.* Les regimes fanciers en Chine des origins aux temps moderns // Etudes historiques. Musee Guimet. Paris, 1950.

В крестьянском мире эпохи Чжоу и, очевидно, уже во время Шан существовало строжайшее разделение труда между мужчинами и женщинами, насколько возможно представить это себе по относительно поздним источникам. Ткачество, шелководство, винокурение были уделом женщин. Полевые же работы, собирательство, охота на мелкую дичь, рыболовство были мужскими занятиями. Кажется правдоподобным, что это распределение функций и характер сотрудничества между полами легли в основу некоторых чрезвычайно живучих в китайской мысли представлений. Оппозиция женского и мужского существует в разных временных и пространственных планах: как внутреннее и внешнее относительно крестьянского жилища, как время полевых работ и время домашних зимних работ, как солнечное и укрытое от солнца место и т.д. Все эти противоположные, взаимодополняющие реалии составляют два основных начала: «инь» (женская сила и образ жизни) и «ян» (мужская сила и образ жизни), — которые впоследствии играли основополагающую роль в китайской мысли.

Крестьяне жили большими семьями с классификационным счетом родства (отец не отличался от дядей по отцу, составляя с ними одну группу, а мать от теток по матери). Самым обыкновенным типом брака был перекрестно-кузенный (женитьба на дочери дяди по матери — иначе говоря, жена выбиралась среди родичей матери). Во времена «Шицзин» (IX—VIII вв. до н. э.) девушки переходили жить в деревню к мужу, но по некоторым признакам можно предположить, что в раннюю эпоху значительно более распространен был авункулат — обычай, по которому будущий зять воспитывался у дядей по матери.

Вся жизнь крестьян строилась вокруг одной временной границы, отделявшей период зимних домашних работ от времени полевых работ, начало и конец которой отмечались праздниками. Весенние праздники, вероятно, были поводом для состязаний (плясок и песенных перебранок) между группами юношей и девушек из соседних деревень. Эти празднества происходили в священных местах — как правило, в устьях рек, где скитались души предков перед новым воплощением[11].

5. Благородное сословие. — Вполне возможно, что основателями первых городов бронзового века были главы корпораций литейщиков, хотя сословие благородных горожан формировалось и за счет других групп населения, в частности, охотников и скотоводов.

Каков же был город архаической эпохи? В центре города находился дворец, который был обнесен глинобитной стеной, защищавшей город как от нападений, так и от наводнений. Дело в том, что города архаической эпохи, как правило, строились в непосредственной близости от рек. Укрепления высотой около 8 м и шириной от 10 до 15 м имели форму квадрата или прямоугольника, ориентированного по сторонам света, с воротами в каждой из стен. Эта планировка стала в Китае традиционной и сохранилась вплоть до наших дней, она связана с обрядами, целью которых было обеспечить своевременную смену времен года и солнцеворот. Ворота сами по себе были священным местом: ведь через них входит все доброе и злое, через них же изгоняются из города смуты.

Города эпохи Шан и Чжоу были невелики по размерам. В результате раскопок выяснилось, что последняя столица Шан (самый большой город того времени) имела в окружности не более 800 м. Согласно ритуальным книгам конца эпохи Чжоу, правила которых, очевидно, действовали и в эпоху Шан, резиденция царя (а также вельмож, поскольку их дворцы повторяли план царского) располагалась по оси север — юг и состояла из трех соединенных друг с другом дворов. Тронный зал, открытый с южной стороны и поднятый на три ступени, где во время ритуальных церемоний находился государь, располагался на севере центрального двора. Все строения были прямоугольными, бре-

[11] См.: *Granet M.* Fetes et chansons anciennes de la Chine. Paris, 1919.

венчатыми, под двускатной крышей. Постройка стояла на цоколе — характерная черта всех китайских общественных зданий. В восточной части центрального двора находился храм предков, а в западной — алтарь Земли, а при Чжоу - подземного божества. Предки и подземные боги, располагавшиеся напротив друг друга, имели и противоположные функции: первые обычно несли людям благо, вторые были божествами карающими, мрачными. На 'этом алтаре приносили в жертву пленников, перед ним войска, уходящие в поход, приносили присягу сражаться насмерть.

Центральный двор был священным местом, он символизировал центр мироздания. В этом дворе в присутствии предков и подземных богов совершались все церемонии, память о которых сохранили для нас надписи на бронзовых сосудах эпохи Чжоу (возведение в должности, царские распоряжения, принесение дани, суд и т.п.). Все их участники заранее занимали строго определенное место по одной из сторон двора.

К северу от царской резиденции располагался рынок. К югу жили ремесленники: тележники, мастера, изготовлявшие колесницы, стрелы и доспехи, литейщики, гончары и др. Без их труда не существовало бы воинских и охотничьих занятий благородного сословия. Южную часть города занимали также разнообразные служащие при власти: надсмотрщики, писцы, гадатели, жрецы и проч.

Таким образом, центром жизни архаического города являлся дворец, в частности, им определялась деятельность торговцев и ремесленников. Поэтому для обозначения этого типа города подходит термин «город-дворец».

Китайский мир архаической эпохи являлся системой укрепленных городов — военно-религиозных центров, в которых проживало благородное сословие. Царская столица и города вассалов (кровных родственников и свойственников царей), были рассеяны по всему бассейну Хуанхэ; вокруг них жило варварское население, которое ассимилировали или не ассимилировали древние китайцы. Каждый город-дворец воспроизводил столицу и был во всем ей подобен: то же общее расположение зданий, то же административное устройство, тот же тип отношений с деревенскими земледельцами и районами, населенными варварами. Центр владений Шан находился на востоке и северо- востоке современной Хэнани, а территория, по-видимому, с особенно многочисленными городами-дворцами совпадает с современной провинцией Хэнань и югом Хэбэя. На юго-востоке она доходит до долины Хуайхэ, а на востоке до Шаньдуна. Но в конце II тысячелетия до н. э. китайское влияние распространялось, вероятно, и еще далее: на западе оно достигало долины Вэйхэ в Шэньси, а оттуда проникло на юг Ганьсу и в долину Чэнду в Сычуани; к югу, оно уже дошло до долины реки Ханынуй в районе средней Янцзы[12].

В эпоху Чжоу благородное сословие стало сильно иерархизированным и представляло собой пирамиду, вершину которой занимал царь, — главное религиозное лицо, а основанием являлись семьи простых дворян, из которых набиралась основная масса воинов. Князья-градоначальники назначались на должности царем. Некоторые сравнительно поздние тексты говорят об обряде, напоминавшем европейскую *investiture per glebam*[13], во время которого вассалу передавался прямоугольный кусок земли (его клали на алтарь подземного бога) определенного цвета в зависимости от направления, где находился жалуемый удел[14]. Ниже царя и князей стояли главы знатнейших семейств, занимавших придворные должности и составлявшие своего рода генералитет. Далее

---

[12] Одно поселение шанского типа, если не шанской эпохи, обнаружено к югу от озера Дунтинху в Хунани, другое к югу от озера Пуянху в Цзянси.

[13] Ввод во владение передачей кома земли. — *Прим. пер.*

[14] Система соответствия между странами света, основными цветами (зеленый, красный, белый, черный и желтый), вкусами, временами года, животными и др., очевидно, была разработана ритуалистами конца эпохи Чжоу, но ее основные элементы, вероятно, древнее. В частности, представление о мире, разделенном на пять основных частей (середина, север, юг, запад, восток), видимо, восходит к истокам цивилизации.

шли семьи средней знати, жившие на доходы с доверенных им поместий, а за ними, наконец, простые воины.

В случае надобности вассальные князья участвовали в войнах и больших царских охотах, поставляя на них колесницы и воинов, принимали у себя царя при его разъездах, давали рабочую силу для царского дворца и дань (жертвенных животных, черепаховые панцири, медь, олово, каури и др.). Царь, со своей стороны, тоже помогал вассалам своими войсками. Аналогичный обмен услугами связывал князей со средней знатью.

Образ жизни благородного сословия предопределял состав администрации городов эпох Шан и Чжоу: она включала преимущественно придворные, религиозные и военные должности. В эпоху Шан были «чиновники», отвечавшие за лошадей и за колесницы, за луки и за трелы, копья, щиты, собак, начальники стражи, гадатели, заклинатели, писцы и т. д. В эпоху Чжоу число этих чиновников постоянно росло, а с ростом распашки, несомненно, большое значение стали приобретать сельские управляющие[15].

6. Жизнь благородного сословия. — Помимо участия в религиозных церемониях, благородное сословие посвящало свое время войне и охоте. В древнюю эпоху охота почти не отличалась от войны: вооружение было одним и тем же, а большие охоты служили для упражнения войск. С пленными и с охотничьей добычей поступали одинаково: приносили в жертву предкам и богам. Некоторых пленных приносили в жертву при праздновании триумфа, некоторых оставляли, чтобы принести в жертву позже. Так, согласно одной надписи из Аньяна, однажды при гадании в жертву покойной царице было принесено три барана, 30 быков и два пленника. Войны, которые велись против мятежных городов или варваров, напоминали набеги и имели целью не аннексию новых территорий, а захват драгоценностей, земледельцев, рабов, ремесленников, домашних животных и урожая.

Вооружение включало различные типы лука (стрелявшие пулями и стрелами), в том числе очень мощный лук с обратным изгибом, характерный для восточной и северной Азии, топор-кинжал с рукоятью, встречающийся только в архаическом Китае и служивший, чтобы зацепить врага и нанести ему первый удар. Кроме того, в вооружение входили копья, шлемы, щиты и панцири[16].

Колесница, представлявшая собой легкую двухколесную повозку с длинными дышлами, применялась в военных действиях до III в. до н. э., но с появлением регулярной пехоты в конце IV в. до н. э. потеряла прежнее значение. Над коляской для седока квадратной или прямоугольной формы с перильцами при церемониях и путешествиях ставился круглый балдахин (квадрат под кругом символизировал землю, накрытую небом). Колесница запрягалась парой лошадей, а иногда еще двумя пристяжными без хомута. В коляске находилось три человека: посредине возничий, слева лучник, справа копейщик[17].

Ядро войск составляли благородные воины: только у них были колесницы и кони, лишь они имели настоящее вооружение. Кроме них в войске были слуги, носильщики, ору-

---

[15] Список должностей, который можно найти в сборнике ритуальных правил «Или», а основной комментарий в хронике царства Лу «Цзочжуань» довольно точно совпадает с надписями на бронзе эпохи Чжоу. Он был изучен А. Масперо (см.: *Maspero H.* La Chine antique. P. 59—80; Contribution a l`etude de la Societe chinoise... // BEFEO, XLVI, 2,1954).

[16] Об истории китайского оружия: *Loehr Max.* Chinese bronze age weapons. Ann Arbor, 1956; *Чжоу Вэй.* Чжунго биньци шигао. Пекин, 1957.

[17] Благодаря недавним раскопкам мы обладаем фрагментами колесниц всех эпох от Шан до Борющихся царств, и таким образом знаем всю историю колесницы в Китае. У колеса диаметром 1,30—1,40 м при династии Шан было 18 спиц, при Западной Чжоу 21 или 22, в эпоху Чуньцю (VII—VI в.) 25, в эпоху Борющихся царств 26. Ширина колеи варьировалась от 1,80 до 2,30 м. Дышла, соединенные хомутом длиной 1,40 м, с течением веков становились короче: в архаическую эпоху их длина была 3 м, а в эпоху Борющихся царств всего около 2 м.

женосцы. Эти пешие воины (ту), вероятно, частично рекрутировались из крестьянства. В эпоху Шан колесницы соединяли в звенья по пять и в дивизионы по 25. В поход обычно выходило несколько тысяч человек и более сотни колесниц.

Марш войск своим строгим порядком под звон колоколов и бой барабанов напоминал балетное представление, цвета и украшения воинов говорят о значении психологической стороны войны: военный поход был проявлением не только физической силы, но и религиозно-магического могущества.

7. Исторические события. — О политической истории эпохи Шан и Западной Чжоу сохранилось мало достоверных сведений. По преданию, в течение столетий, предшествовавших перенесению столицы в Аньян, шанские гсудари семь раз меняли место столицы на севере и северо-востоке Хэнани, к югу и к северу от современного течения Хуанхэ. Недавние раскопки отчасти подтвердили эти предания: поселения Чжэнчжоу и Яныпи к востоку от Лояна тождественны двум столицам доаньянского периода (XIV—XI вв. до н. э.). Кроме того, изучение гадательных надписей на костях и черепаховых панцирях позволило составить перечень тридцати царей династии Шан. Между прочим, этот список почти совпадает с тем, который древнекитайский историк, автор первой сводной истории Китая «Шицзи» («Исторические записки») Сыма Цянь (145 или 135—86 гг. до н. э.) приводит на основании уже почти тысячелетнего предания: обнаружилось только три случая, в которых перепутан порядок следования двух царей, и две генеалогические ошибки. При тринадцати первых государях нормой был переход власти от старшего брата к младшему, сын наследовал отцу лишь в исключительных случаях. Но при четырех последних царях наследование от отца к сыну становится правилом, и это правило соблюдалось в течение всех последующих эпох.

В ходе последнего периода Шан, когда столица находилась в Аньяне, шанские государи, вероятно, часто вели войны с некитаизированным населением долины Хуайхэ. Возможно, эти войны объясняют, почему китайское княжество Чжоу, находившееся к северу от долины Вэйхэ в Шэньси и испытавшее сильное влияние соседних племен, с такой легкостью в конце XII в. или, что вероятнее, в начале XI в. до н. э. овладело столицей и сместило династию Шан. С этого времени столица китайского мира находилась на месте нынешнего Сианя в центре бассейна Вэйхэ, а вторая столица была построена около нынешнего Лояна в Хэнани. Примечательно, что в этих же местах находились и столицы династий Хань (206 — 220 гг. н. э.) и Тан (618-907 гг. н. э.).

Основной источник наших сведений об эпохе Западной Чжоу — надписи на бронзе, но эти тексты говорят не столько о политической истории, сколько о государственном строе. В основном от этого времени до нас дошел список царей, с именами которых связаны легенды. Единственный важный и достоверный исторический факт — натиск варваров на Шэньси в VIII в. до н. э., принудивший Чжоу отойти в Хэнань под защиту княжества Чжэн и окончательно перенести столицу в Лоян. С той поры могущество и престиж дома Чжоу сильно упали, и вскоре история пошла по совершенно новому пути.

II. Духовный мир

1. Религиозные ритуалы и представления. — орошо известно, что в Китае важную роль крал ритуал. Под ним следует понимать регламентацию человеческих действий и видов Деятельности, тесно связанную с космологическими концепциями. Отсюда следует, что эта регламентация мыслится не случайной и условной, а находящейся в согласии с циклом времен года, движением небесных тел и особыми свойствами разных частей света. Отсюда, несомненно, и ее убедительность. Но вполне вероятно, что эта система ограничений формировалась лишь постепенно. Насколько мы можем понять поведение людей эпохи

Шан, ритуал установился лишь к концу II тысячелетия до н. э. Традиционное мнение, которое приписывает последнему шанскому государю необыкновенную порочность, несомненно, соответствует исторической реальности: раскопки в Аньяне показали, до какой степени последним царям этой династии была чужда добродетель умеренности. Мир той эпохи был полон роскоши и жестокости. Огромные богатства (домашние животные, металлы, сельскохозяйственные продукты, охотничья добыча, военнопленные) отдавались храмам, и почти все, чем располагало это общество, с особой пышностью расточалось при обыденных или экстраординарных жертвоприношениях, при похоронах царей и высшей знати. Бараны, быки, свиньи, собаки и олени приносились в жертву десятками. Принесение в жертву одному только предку 30—40 быков не было исключительным; существовали специальные иероглифы, означавшие жертвоприношение 100 быков, 100 свиней, 10 белых свиней, 10 быков, 10 баранов. Жертвенным животным отрубали головы или перерезали горло и сразу же клали на алтарь, иногда они были вареными, копчеными, жареными, порой на алтарь возлагалась не вся жертва, а только ее часть. Иногда жертвенных животных зарывали в землю, топили или сжигали. Иногда принесенных в жертву животных употребляли в пищу или раздавали, иногда просто уничтожали. В первом случае боги и смертные, мертвые и живые вместе справляли пиры, явно напоминавшие оргии: на них потреблялось множество еды и спиртного. У чжоусцев шанцы имели репутацию пьяниц. Кажется, она была заслуженной, ибо среди их бронзовых и гончарных изделий преобладают сосуды, служившие специально для спиртных напитков.

Хотя в том мире, где охота и скотоводство, как казалось, в изобилии удовлетворяли все потребности, а регламентация расходов еще не была необходимостью, некоторые очень древние источники, относящиеся к эпохе Шан, свидетельствуют о начале формирования ритуала. Расположение звезд и ориентирование по сторонам света у китайцев начиная с древности считались особо важными при строительстве городов-дворцов и устройстве прилегающих территорий, при церемониях и священных плясках при царском дворе. В этом уже угадываются элементы космологической системы, а богослужения не просто служат выражением космического порядка, а являются непосредственной его основой. Мимические драмы, пляски в масках и шкурах животных, следы которых пытался реконструировать Марсель Гране, представляют собой рассказы об устройстве мира. Их сила в том, что по ним можно заново воссоздать принципы управления страной, открыть временной цикл, распределить пространство по четырем сторонам света. Несомненно, что символика царской власти складывалась в результате наблюдения за небом. Устройство земного мира повторяет устройство небесного. Уже в эпоху Шан царь считался сыном (или, может быть, «удельным князем») Неба. У бога неба, «небесного царя» (Шаньди), как и у земного царя, есть вассалы: некоторые предки царской фамилии, боги ветра, туч, солнца, луны и звезд, в частности, одного южного созвездия, позже названного Фениксом. Небесные боги не принимают жертв и с ними общаются при посредничестве царских предков[18].

Небесный царь покровительствует основанию городов, хранит их, обеспечивает победу на войне, насылает дождь, ветер и засуху, напускает с небес смуты. Однако, по-видимому, это божество, вмешивающееся в жизнь людей, теряло часть своих индивидуальных черт по мере того, как начинали доминировать земледельческие занятия.

---

[18] Жертвы богам, например, мясо или сосуды, наполненные зерном, приносились на двух руках, поднятых кверху. Этот ритуальный жест очень часто опознается в иероглифах эпох Шан и Чжоу. Другие графические знаки свидетельствуют о практике возлияний: спиртное, хранившееся в специально предназначенных для этого обряда сосудах, выливалось на землю.

Опираясь на религиозные представления, можно примерно представить строение мира эпохи Шан: богам верхнего мира — предкам и небесным богам — противопоставлены подземные боги, несомненно, уже имевшие свою иерархию, боги четырех сторон света, наконец некоторых рек (важнейший из них бог Хуанхэ; уже тогда возник обычай, сохранившийся при Чжоу, отдавать ему девушек в замужество) и гор. Подземные, речные и горные боги стали объектами культа, важного и для последующих времен. Не следует ли видеть в двух столь различных группах божественных сил отражение асоциальной дихотомии? Возможно, земные боги крестьян и покоренных варваров были продето добавлены к богам — основателям городов знатных китайцев.

2. Культ предков. — В религии эпох Шан и Чжоу центральное место занимает культ царских предков. Все ритуальные действа совершались перед храмом предков, где в каменных урнах хранились поминальные таблички (материальная основа их душ), то есть в их непосредственном присутствии. Обо всех важнейш и х событиях в жизни царского дома и обо всех придворных торжествах объявлялось во всеуслышание. Ведь предки служили посредниками в общении с другими божественными силами, они вмешивались в частную жизнь царской фамилии, являлись в сновидениях, насылали болезни, влияли на урожай; к ним регулярно обращались при гаданиях. При гадании на бараньих и бычьих лопатках или на брюшных пластинках панциря черепахи делали маленькие углубления и нагревали на огне; расположение трещин и говорило об ответе предка. В эпоху Шан обряд гадания, бывший привилегией специалистов (ныне известно более сотни имен шанских гадателей), как правило, предварялся жертвоприношением для привлечения внимания и благосклонности предков.

Множество предметов для гадания обнаружено в Аньяне; находились они и в других местах: Чжэнчжоу, Лояне (Хэнань) и в окрестностях Сианя (Шэньси). На некоторых из них имеются надписи: вопросы, задававшиеся предкам, иногда вместе с ответами. К нашему времени опубликовано около 41 тыс. надписей; из 3000 обнаруженных в них иероглифов расшифровано более тысячи[19]. Все самое достоверное, что мы знаем о цивилизации Шан с середины XIV до XI в. до н. э., почерпнуто преимущественно из начавшейся в 1899 г. прилежной расшифровки этих надписей, которые были опубликованы в трудах выдающихся китайских ученых, имена которых заслуживают быть названными здесь: Ло Чжэньюй, Ван Говэй и Дун Цзобинь. Благодаря исследованию этих надписей известно, что предков спрашивали о том, какие жертвы им угодны, о природных явлениях, полеводстве и скотоводстве, о военных походах, о частных делах царского дома (охотах, поездках, болезнях, сновидениях, рождениях и т.д.), а также о том, благоприятна или нет будет наступающая декада. Известно, что циклический знак, обозначавший предка-царя, соответствовал тому дню, в который необходимо было этому предку приносить жертвы. Позже каждый из десяти дней «недели» был назван в честь одного из знаков. Почитались только цари вместе с царицами главной ветви династии, но не предки по боковым линиям. Ведь цари династии Шан были полигамны и могли иметь много побочных жен, иногда и главных цариц могло быть несколько.

---

[19] Весьма вероятно, что техника гадания сыграла большую роль в развитии китайской письменности. Напомним, что китайское письмо происходит из пиктографии. На некоторых бронзовых изделиях эпохи Шан есть клейма в виде рисунков, несомненно, относящиеся к самой примитивной стадии письма. Но очень скоро оно превратилось в идеографическое. Письмо XIV—XI вв. уже весьма стилизовано и изобилует абстрактными формами (перевернутые и зеркально обращенные знаки, черточки, указывающие на одну из частей знака, изображения жестов), а главное — знаками, состоящими из соединения двух простых. Почему возникла и сохранилась столь сложная система письма, возможно, объясняется особенностями китайского языка: односложные слова, с древнейших времен, по-видимому, ставшие самостоятельными лексическими единицами, и богатая фонологическая система не позволяли вычленять звуки речи; поэтому китайское письмо и не могло встать на путь слоговой и тем более алфавитной нотации. Как правило, письменный знак мог соответствовать только одному односложному слову (одной лексической единице).

Систематические раскопки и открытие больших царских гробниц в Аньяне после 1950 г. чрезвычайно обогатили наши знания о погребальных обрядах конца шанской эпохи. Эти гробницы представляют собой большие прямоугольные рвы с колодцами в центре, к которым ведут дороги с севера, юга, востока и запада (позднейшие ритуальные книги подтверждают, что подъездные пути к могиле были царской привилегией). Царских гробниц весьма немного; от гробниц менее важных лиц они отличаются более сложной архитектурой и изобилием похоронной утвари. Только в царских гробницах были обнаружены бронзовые предметы. В обычных могилах находятся лишь глиняные сосуды, а в бедных и вовсе нет утвари. Утварь царских гробниц выделяется чрезвычайной роскошью: в них клали наборы колоколов и звонков из бронзы (что позволило установить звукоряд, применявшийся в то время), разного рода священные сосуды из бронзы, оружие, керамику, колесницы, запряженные лошадьми (у северного и южного входа); в особой могилке под саркофагом хоронили собаку.

Но в первую очередь раскопки, проводившиеся в Аньяне с 1950 г., подтвердили существование человеческих жертвоприношений: число людей, обязанных сопровождать царя в мир иной, было поразительно велико. Только в одной гробнице с прилегающими к ней пристройками найдено более 300 скелетов, у некоторых из них голова отделена от туловища. Вероятно, цари лежали в могиле, окруженные свитой и некоторыми самыми близкими людьми: царицами и наложницами, стражами, возницами, ловчими, различными чиновниками и слугами. Почти тысячелетие спустя после шанской эпохи китайский мыслитель Моцзы еще знал об этих обрядах и о человеческих жертвоприношениях, которые, впрочем, лишь в его время исчезли полностью: «Когда умирает государь, опустошают амбары и сокровищницы; золото, яшму, жемчуг возлагают на его тело. Свертки шелка и колесницы с лошадьми зарывают в гробницу. Еще нужно множество утвари для погребального зала: сосуды на треножниках, барабаны, столики, горшки, стеклянные сосуды, боевые топоры, мечи, знамена, слоновая кость и звериные шкуры. Никто не будет доволен, если все эти богатства не уйдут вслед за покойным. Число же людей, предназначенных следовать за ним, если он сын Неба, колеблется от многих десятков до нескольких сотен. Если же это высокопоставленный начальник или большой барин, то от нескольких человек до нескольких десятков». Есть на этот счет и другие письменные свидетельства периода от архаики до империи; раскопки также подтверждают живучесть этого обряда. Но в течение I тысячелетия до н. э. человеческие жертвы (впрочем, вероятно, нередко добровольные) постепенно сокращались, а во времена империи встречались лишь спорадически[20]. Очевидно, эти кровавые жертвы, по мере приближения к концу архаической эпохи, начали вызывать осуждение, благодаря экономической, политической и социальной эволюции китайского общества. Вероятно, ограничение расходов, вызванное экономическими соображениями, ритуальная регламентация и мораль умеренности развивались в тесной связи друг с другом. В конце архаической эпохи появился обычай класть вместо человеческих жертв манекены из ивовых прутьев, деревянные или терракотовые статуи в натуральную величину. При империи их стали заменять маленькими керамическими фигурками, а позже — бумажными, которые на похоронах сжигались. В гробницах династий Хань и Тан сохранилось множество миниатюрных изображений предметов (многие из них ныне хранятся в музеях): домов, амбаров, колодцев — фигурки домашних животных, музыкантов, танцовщиц, акробатов, шахматистов, поваров и т. д.

Многочисленные человеческие жертвы, найденные на раскопках Аньяна, дали китай-

---

[20] В гробницах периода Западной Чжоу встречается лишь несколько останков лиц, погребенных вместе с покойным (чаще всего от двух до четырех), а в эпоху Борющихся Царств к этому ритуалу прибегали еще реже. Из 3000 раскопанных в последнее время погребений этого периода не более 10% заключали останки человеческих жертв, от одной до четырех в каждой.

ским ученым, считавшим себя марксистами, аргумент в пользу традиционной и априорной схемы исторического развития Китая. По их мнению, эти жертвоприношения доказывают, что китайское общество эпохи Шан было рабовладельческим. Но нам кажется маловероятным, что большинство людей, приносившихся в жертву, были просто рабами, судя по тому, что известно об этом обычае как в самом Китае, так и в других древних цивилизациях. Скорее наоборот: те, кто сопровождал царя в могилу, были его женами, ближайшими слугами, доверенными людьми и товарищами по охоте.

Глава IV

ПЕРИОД ГОСУДАРСТВ-ГЕГЕМОНОВ: ПЕРЕХОД ОТ АРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ К ЭПОХЕ ВОЕННЫХ ГОСУДАРСТВ (VII-VI вв. ДО н. э.)

I. Изменения в экономике и окружающей среде

Есть веские основания предполагать, что между концом II тысячелетия до н. э. и VII в. до н. э. Северный Китай постепенно распахивался и заселялся. Недавние раскопки бесспорно показывают, что за период времени от эпохи Шан до эпохи Чжоу основные инструменты и способы обработки земли не изменились, но на рост населения и изменение отношения человека к природной среде достаточно надежно указывает сокращение количества диких животных.

Некоторые животные, характерные для жарких стран, например слоны и носороги, исчезли или стали весьма редкими. Вероятно, китайцы VIII—VII вв. до н. э. уже не приносили с охоты столько добычи, сколько их предки эпохи Шан. И действительно, большие царские охоты XIV—XI вв до н. э., видимо, наносили серьезный ущерб фауне[21]. С другой стороны, гипотеза о распашке новых земель в течение веков, следовавших за эпохой Шан, опирается на предание: считалось, что Чжоу покровительствовали разведению зерновых; согласно легенде, основатель дома Чжоу был «министром земледелия» у мифического государя Шуня.

Создается также впечатление, что в течение первой половины I тысячелетия до н. э. сократилось поголовье крупного и мелкого рогатого скота: при жертвоприношениях эпохи Чжоу предков уже не спрашивают, как в шанскую эпоху, о числе животных, предназначенных в жертву. Теперь это число регламентировано ритуалом и сведено, как правило, к нескольким головам (самой распространенной была жертва, аналогичная римской жертве свиньи, овцы и барана). О принесении в жертву десятков быков и баранов, столь частом в эпоху Шан, теперь, по-видимому, забыли. Другой признак упадка скотоводства, продолжавшегося до начала христианской эры, дает письменность: между шанской эпохой и VII в. до н. э. из словаря выпало много иероглифов, связанных с разведением и жертвоприношениями животных[22].

Таким образом, археологические данные и тексты, по-видимому, подтверждают гипотезу, достаточно правдоподобную саму по себе: китайцы эпохи Шан и ранней Чжоу легкомысленно разрушили природную среду, богатства которой казались им

---

[21] Было бы чрезвычайно интересно по надписям, изображениям, древним текстам и отчетам раскопок установить историю фауны древнего Китая. К сожалению, эта работа до сих пор не предпринята.

[22] О вероятном значении овцеводства в архаическом Китае см.: Gernet J. Comportement et genres de vie en Chine archaique // Annales, ESC, 7 annee № 1, janv. — mars 1952.

неисчерпаемыми. Но это неожиданное исчезновение лесов и животного мира, постепенно менявшее природные условия, меняло и образ жизни благородного сословия. Роль земледелия в экономике и зерновых в питании оставалась ограниченной, но все же выросла. Ритуальные ограничения на охоту (а также рубку деревьев), связанные с циклом времен года, могли показаться необходимыми уже в конце архаической эпохи: осуждение больших охот, истреблявших слишком много дичи, если они происходили не по ритуальным датам, в эпоху Борющихся царств было одной из главных тем конфуцианских моралистов, но нельзя исключить, что эта тема не поднималась и ранее.

Вполне возможно и то, что ограничения на охоту способствовали становлению новой этики и что повышение значимости земледелия по сравнению с охотой и скотоводством вообще оказало определенное влияние на менталитет и мировоззрение эпохи Западной Чжоу. Можно предположить, что в течение этого еще мало известного для нас периода ритуалы стали больше влиять на жизнь, а поведение аристократов и отношения между ними стали определяться духом умеренности. Это лишь гипотеза, но изменение менталитета (разница между гордыми и жестокими людьми эпохи Шан и аристократами VII—VI вв. до н. э., придававшими основное значение ритуалу и чувству меры) заставляет предположить и промежуточные стадии развития. Недавние раскопки также показывают, что в конце эпохи Западной Чжоу и начале эпохи Чуньцю регламентация, по крайней мере в области погребальных обрядов, стала гораздо строже, а с конца VI в. до н. э. вновь начала смягчаться. Возможно, показателен также факт, что, как мы уже замечали, в I тысячелетии до н. э. резко сократилось число людей, приносившихся в жертву. После эпохи Чжоу, видимо, исчезла память о гекатомбах эпохи Шан. Во всяком случае, до сих пор раскопки не позволили обнаружить погребений позднее шанской эпохи с достаточно большим количеством человеческих жертв. Не следует ли здесь видеть знак если не запрещения столь кровавых жертв, то хотя бы роста духа умеренности и общего осуждения гордыни?

Другой важный факт — появление куртуазной формы войны. Такие войны велись между китайскими городами-государствами VII—VI вв. до н. э. Это были регламентированные турниры, где столкновение амбиций и применение силы всегда происходили по правилам. Тот, кто злоупотреблял силой и пользовался слабостью врага, терял честь и сильно рисковал навлечь на себя гнев богов[23].

II. — Формирование территории Китая

В течение этого же периода произошли и другие, более точно установленные перемены, оказавшие решающее воздействие на развитие китайской цивилизации и ход истории Китая. От конца эпохи Шан до VII в. до н. э. цивилизация городов-дворцов распространилась по всему пространству от северных степей до бассейна Янцзы. Точно известно, что в начале эпохи Чжоу в районе нижней Янцзы, удаленном от первоначального очага китайской цивилизации более чем на 1000 км, существовало по крайней мере одно китайское поселение: это доказывает надпись на бронзовом сосуде, найденном в 1954 г. восточнее современного Нанкина[24]. Таким образом, новые центры возникали там, где существовали благоприятные условия (вода, водные и сухопутные пути сообщения, плодородные поля, пастбища и т.д.), причем излюбленными местами поселения были, очевидно, те центры, где население сосредотачивалось уже в эпоху неолита.

Некоторые из этих новых городов, обладая достаточной мощью, чтобы установить свою власть над соседними городами и окружающими варварскими селениями,

[23] Великолепное изложение этого типа войны см. в кн.: *Granet M.* La civilisation chinoise. P. 305—334.

[24] См.: Ш. Каидзука. Секаи но рекиши... Т. 3, с. 46—47.

действуя силой или дипломатией, собрали вокруг себя большие территории и уже в VII—VI вв. до н. э. стали столицами царств. Так слово, первоначально означавшее город-дворец, одиноко стоявший среди лесов и болот, стало применяться к царствам, объединявшим многие города и села.

К числу крупнейших царств VII—VI вв. следует отнести Ци, которое было основано еще в шанскую эпоху (его столица находилась в долине на северных склонах Шаньдунского хребта); Цзинь в бассейне реки Фэныяуй (Шаньси), в районе, населенном еще в эру палеолита; Чу в среднем течении Янцзы. Сюда еще можно добавить государство Цинь в долине Вэйхэ (Шэньси). Но в эту эпоху царство Цинь было еще слабым и не могло стоять на одном уровне с могущественными государствами Ци, Цзинь и Чу.

Отдаленность этих государств от религиозной столицы Чжоу, приобретенное ими вскоре сознание собственной власти и силы, своеобразие местных культур, происходившее от контактов и смешения китайцев с местным населением, несомненно, обостряли у жителей китайской периферии чувство самодостаточности и стремление к независимости. Цзиньская знать смешалась с варварами благодаря бракам с ди — некитайским племенем Шаньси. Точно так же окрестности, населенные постепенно ассимилировавшимися варварами, вероятно, сыграли большую роль в формировании государства Цинь: его военные традиции, предполагаемые особенности его социального устройства, возможно, объясняются именно автохтонными влияниями. Что касается отдаленного царства Чу, его искусство, язык и обычаи делали его в глазах китайцев Великой Китайской равнины почти иностранным государством, и открытия, сделанные несколько лет назад в Чанша (Ху-нань), подтвердили своеобразие художественных традиций этой области в среднем течении Янцзы[25]. Еще более отдаленными от цивилизации предстают могущественные государства У и Юэ в долине нижнего течения и по берегам эстуария Янцзы (территория современной провинции Чжэцзян), игравшие важную роль в войнах VI—V вв. до н. э. Изолированность китайских городов, возникших в этих краях в начале эпохи Чжоу, и особенности этого края рыбаков и лодочников, которым китайцы передали свое искусство выплавки бронзы, привели к тому, что к концу своего независимого развития юго-восточные царства не казались китайцам Великой Китайской равнины принадлежавшими к их цивилизации.

Таким образом, видна причина смут, в которые погрузился китайский мир в начале эпохи Чуньцю (722—481 гг. до н. э.). Прежде всего нарушилось равновесие между сильными и слабыми городами, большими и малыми царствами, и вообще Северный Китай оказался противопоставлен Южному. С VII по V вв. до н. э. старые китайские государства по течению Хуанхэ и особенно малые княжества Хэнани вынуждены были беспрерывно обороняться против натиска южных царств, особенно против распространения на север большого государства Чу.

Но самым важным было не это: в VII в. до н. э. само единство китайского мира было поставлено под угрозу, ибо против малых государств Великой Китайской равнины («срединных царств», *Чжунго* — это имя до сих пор носит весь Китай), хранивших древние традиции, выступили окраинные государства, не почитавшие в той же мере ритуал и не ценившие справедливую умеренность. Царство Чу в особенности было обуреваемо духом завоевания и стремлением к вооруженному господству, совершенно чуждым менталитету древних китайских городов-государств. Население Чу не знало обычаев куртуазной войны, его не сдерживали религиозные требования, а потому оно, в отличие от

---

[25] Кроме того, с царством Чу связана одна из лучших поэтических традиций в китайской литературе: целый свод больших стихотворений в элегическом роде, первоначально, как удалось установить, возникшие под влиянием шаманства, известные под названием «Чуцы».

остальных, без колебаний уничтожало своих врагов вместе с их культами.

III. — Становление государств-гегемонов

1. Упадок Чжоу. — Непосредственной причиной нарушения порядка, видимо, установившегося в отношениях между малыми городами Великой Китайской равнины — непрочного, искусственного равновесия на основе уважения к аристократической иерархии и ритуальных прерогатив правителей, — было политическое событие, вызвавшее ослабление царского дома Чжоу. Около середины VII в. до н. э. нашествие варваров вынудило Чжоу оставить свою столицу в Шэньси и укрепиться в Хэнани, на месте нынешнего Лояна[26]. Начиная с этого времени, военная сила и религиозная власть, в архаическую эпоху ощущавшиеся как тождественные, стали восприниматься как независимые друг от друга. Первоначально города, более богатые и сильные, чем столица Чжоу, оказывали ей поддержку как почитаемому религиозному центру. Но, лишившись реальной силы, цари в борьбе, развернувшейся между китайскими городами, постепенно лишились и религиозного первенства, и морального авторитета. Это повлекло изменения в области сознания: понятие ритуала и концепция всекитайской царской власти вырабатывались и уточнялись в то самое время, когда над ними нависла угроза и на первый взгляд торжествовал дух завоевания и наживы.

VII и VI вв. до н. э. — период, по традиции известный как период государств-гегемонов. Теоретически религиозное первенство в китайском мире сохранялось за домом Чжоу, но военное превосходство было за более сильными царствами, и тем самым утверждался порядок, который уже не могла обеспечить старая династия. Но авторитет государств-гегемонов был не только военным, они играли первую роль и при всевозможных церемониях.

2. Присяга союзников. — Присяга союзников *(мэн)* была чрезвычайно ответственным актом, ибо участники такого договора непосредственно представали перед самыми грозными сверхъестественными силами. Личность государей, градоначальников и делегированных ими высших чиновников была неприкосновенна. Они с самого начала находились под покровительством тех божеств, к которым обращались во время обряда (солнце, луна, божества гор и священных рек и т.п.). Очевидно, присяга создавала между союзниками узы почти семейного характера: было правилом принимать участие в похоронах лиц, вместе с которыми приносили присягу. Во время обряда к божественным силам обращались вслух, моля их на холме, где приносили в жертву быка (реже свинью и петуха), или письменно: текст присяги погребался вместе с жертвой или жертвенной кровью. Все участники церемонии смачивали губы этой кровью и повторяли вслух молитву, читавшуюся от общего имени.

Целью присяги было обновление связей между отдельными городами и освящение порядка, установленного в отношениях между главами княжеств. С другой стороны, в VII— VI вв., когда могущественные государства еще не помышляли об 'аннексии, долго считавшейся великим бесчестием, она становилась одним из средств установления господства сильных над слабыми. Впрочем, как мы уже указывали, образ действий государства Чу отличался от поведения царств Ци и Цзинь: чуские государи чаще

---

[26] Чехословацкий китаист И. Прушек (*Prusek J.* Cninese statelets and the northern Barbarians: 1400-300 B.C. Dordrecht, 1971) выдвинул весьма вероятную гипотезу о большом вторжении степных кочевников, оттеснивших некитайское население Северного Китая. Действительно в этом районе на всем протяжении VIII в. происходило широкомасштабное передвижение этносов.

прибегали к аннексии чужих городов и территорий и реже к присяге. Но и они еще в VI в. до н. э. не представляли себе, что аннексия может совершаться без торжественного триумфа и жертвоприношений. Аннексия была ставкой в игре с судьбой и высшими силами. Когда в 513 г. Чу разрушила городок Дай в Хэ-нани, царь счел необходимым принести в жертву горным духам своего наследника. Идея завоевания как действия чисто политического иэкономического характера лишь постепенно формировалась в ходе войн последующего периода, V— III вв. до н. э.

IV. — Политические события

Период царств-гегемонов служит в политической истории Китая началом долгой череды войн и коалиций, завершившейся лишь с объединением Китая под эгидой Цинь и установлением империи. Насчитывают пять государств-гегемонов. В действительности реальной властью обладали только царства Ци, Цзинь и Чу. Сначала Ци союзнической присягой, принесенной в 667 г. до н. э., утвердило себя в роли лидера конфедерации городов Востока и хранителя древних традиций; ему и в самом деле удалось охранить княжества Великой Китайской равнины от посягательств царства Чу. На смену ему в роли хранителя старого Китая пришло Цзинь; после победы над Чу в 632 г. до н. э. оно утвердило себя как гегемон. Наконец, в 597 г. до н. э. Чу взяло верх, и его могущество ослабло только в конце VI в. до н. э. с возвышением нового соперника: царства У, занимав1рего юг современной провинции Цзянсу. В 506 г. до н. э. У даже овладело столицей царства Чу. Однако в начале V в. до н. э. самому У стал угрожать его южный сосед — государство Юэ.

В 473 г. Юэ уничтожило У, а позже расширилось за счет Чу. Таким образом, серьезная опасность со стороны Чу, нависавшая над городами и малыми царствами Великой Китайской равнины в VII и VI вв. до н. э., после 500 г. до н. э. уменьшилась. Но возможно, упадку государства Чу послужили и другие факторы, и среди них могущество крупнейших благородных фамилий, препятствовавшее попыткам политической централизации.

Так или иначе, в VII—VI вв. до н. э. все коалиции возглавлялись одним из трех великих царств: Ци, Цзинь и Чу. Малые города-государства Великой Китайской равнины были зажаты в тиски между ними с севера и с юга, терпели постоянные угрозы и давление. В течение следующего периода они были понемногу аннексированы.

V. — Изменения в социальном строе и общественном сознании

До своего поглощения более сильными соседями государства Великой Китайской равнины не пребывали в бездействии, а вмешивались в политику, пытаясь устанавливать перемирия между крупными царствами. Поскольку они были слабы, их единственным средством воздействия были дипломатия и искусство убеждения. Так в конфликтах, захлестнувших начиная с VII в. до н. э. государства долин Янцзы и Хуанхэ, развивалось тонкое искусство дипломатических комбинаций и моралистической риторики, оказывавших глубочайшее влияние на китайскую мысль и литературу вплоть до начала нашей эры. Видя угрозу со стороны окраинных царств, древние города-государства держались за свои традиции так сильно, что и пришельцы не оставались нечувствительными к тому, что в их глазах представало как истинные благородство и «китайскость». Очевидно, важность, которую в то время приобрели нравственные и ритуальные требования как побудительные мотивы действий людей и государств, отчасти объясняет происхождение идеала «порядочного человека», который в начале V в. до н. э. стал центральным в учении Конфуция.

Вооруженные же столкновения постепенно заставили осознать реальность военных и экономических факторов (исход войны в конечном счете представлялся уже не вердиктом сонма богов, а логическим следствием степени силы или слабости противника). На смену аристократической иерархии, почитанию традиционных обрядов пришли отношения силы не только между царствами, но и внутри каждого из царств. Около 600 г. до н. э. начались кровопролитные ссоры между знатными семьями за власть, острое соперничество между князьями и землевладельцами, драматические попытки глав государств освободиться от опеки могущественных семейств. Эти конфликты приводили то к устранению родовой знати и выдвижению новых людей, полностью преданных государю (в Цзинь конца VII в. до н. э.), то к фактической узурпации царской власти (в Лу в 562 г. до н. э., где законный государь сохранял функции верховного жреца, но потерял реальную власть), то к полной узурпации царских прерогатив (в Ци в начале V в. до н. э.) и даже к территориальному дроблению (в Цзинь в 453 г. до н. э.).

Когда непрочные преграды, созданные обычными установлениями, рухнули, традиционные политические и социальные структуры постепенно распались. Некоторые мыслители эпохи Борющихся царств, особенно Мэнцзы (конец IV в. до н. э.) в знаменитом рассуждении, открывающем сборник его поучений, открыто говорил о разрушительном действии жажды власти и богатства —«корысти» *(ли)*.

На смену отношениям архаического типа, основанным на кровном родстве, почитании обрядов и власти религии, пришли личные отношения людей друг к другу в результате свободного согласия. Всякая знатная семья стремилась создать себе клиентелу. Главам государств, не имевшим больше эффективных средств для удержания власти из-за прекращения поступления дани (воинами, колесницами и продуктами земледелия), пришлось устанавливать повинности для того, чтобы набрать войска. Наемные войска и личная «гвардия» царя— в числе новшеств этой эпохи.

VI в. до н. э. был временем первых налоговых и аграрных реформ: они зафиксированы в Лу (маленькое государство в Шаньдуне) в 594 и 590 гг. до н. э., в Чжэн (Хэнань) в 543 и 538 гг. до н. э. Если в архаическую эпоху крестьяне, очевидно, были вынуждены даром обрабатывать земли, доход с которых удерживало благородное сословие, то начиная с VI в. до н. э. в обиход вошла система зернового налога. Как правило он составлял десятую часть урожая и рассчитывался, вероятно, исходя из среднегодового сбора зерна либо из реального урожая за каждый год. Практика натурального обложения, весьма вероятно, сопровождалась чувствительной переменой в положении крестьян (земледельцы получили больше свободы и независимости от своих старых хозяев). Швоз-можно, что некоторая автономия деревень началась как раз с того момента, когда традиционный сбор дани сменился настоящей фискальной системой.

Примерно в то же время (во второй половине VI в. до н. э.) появились записи уголовных законов на треножниках. Это было важнейшее новшество, приход писаного права на смену неписаным обычным правилам в отношениях между знатью и сельским населением, ибо вместе с ним рождалась централизованная власть. С развитием политической власти китайское общество постепенно становилось более цельным. В то время, как в архаическом обществе, по-видимому, существовало много мелких социальных групп, весьма разнообразных по статусу, теперь складывались более крупные и органичные образования. Традиционно существовавшее при империи деление китайского общества на знать (позднее ученых), крестьян, ремесленников и торговцев, несомненно, начало развиваться в эпоху царств-гегемонов.

Острота конфликтов повлекла за собой утяжеление повинностей, лежавших на крестьянстве, и конфуцианская критика вполне справедливо видела связь между упадком древних установлений и нищетой, до которой доводила крестьян жадная до роскоши и власти знать. Раскопки и здесь дают нам ценнейшие сведения: начиная с конца VI в. до н. э. в погребальных обрядах становятся заметны стремление к роскоши и пренебрежение

традициями. Именно тогда в гробницы наряду со священными со- судами начинают помещать ценные вещи бытового назначения.

По мере обострения морального кризиса усилилось и различие жизненных позиций: в результате распрей, беспорядков и смут, овладевших китайским миром начиная с VII в. до н. э.[27], появились моральная рефлексия и положительные знания.

Глава V

ОБРАЗОВАНИЕ ВОИНСКИХ ГОСУДАРСТВ (СЕРЕДИНА VI в. - 221 г. до н. э.)

I. — Железный век

За три столетия, предшествующие созданию империи (V—III вв. до н.э.), произошли быстрые и необратимые изменения в ландшафте и природных условиях Китая. Огромные лесные пространства были вырублены, заболоченные территории осушены, обработаны, кое-где созданы системы искусственного орошения. Обработанные земли распространились до границ царств. Население Китая вплоть до самого бассейна Янцзы стремительно росло, несмотря на чрезвычайно кровопролитные войны. В конце правления династии Ранняя Хань, когда страна еще далеко не достигла такой степени экономического развития, как в III в. н.э., по переписи 2 г. н.э. население достигло 57 миллионов человек[28]. Границы городов расширялись, население их увеличивалось, у них появлялись вторые ограды. Значимость государств теперь оценивалась не только по числу военных колесниц, но также по их размерам и числу жителей. Современники отмечали глубокие различия, отделявшие эту эпоху от периода государств-гегемонов и более ранних: в древности городам-государствам подчинялись только небольшие слабонаселенные территории. Само собой разумеется, что и принципы управления ими были совершенно другие. Проблемы администрирования, провианта, благоустройства территорий либо вовсе не вставали, либо решались гораздо проще.

Эти три века примерно соответствуют эпохе, традиционно известной под именем «Борющихся царств». Началом этой эпохи произвольно считается распад царства Цзинь в Шаньси на три новых государства: царство Хань в Хэнани, Вэй на юге Шаньси и Чжао на севере той же провинции. Это событие произошло в 453 г. до н. э. Но чтобы подчеркнуть новизну политических учреждений этого периода, перестройку государственной структуры под влиянием военных режимов, мы используем здесь термин «воинские государства», а не «Борющиеся царства», начало же этой эпохи устанавливаем по менее искусственному критерию: началу выплавки железа[29]. Первое упоминание об этой технике в

---

[27] Превосходное изложение основных событий политической истории периода Чуньцю имеется в кн. Т. Масубу-чи «Секаи но рекиши», т. 3, с. 49—92.

[28] Точнее, 12 366 470 семей и 57 671 400 человек. См.: *Bielenstein H.* The Census of China // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquites. № 19. Stockholm, 1947, p. 135. Самое густое население проживало в долинах Фэньхэ (Шаньси), Миньцзянхэ (Сычуань) и Вэйхэ (Шэньси); особенно густо населена была область Сянь, где находилась столица, а также окрестности Лояна в Хэ-нани. Помимо этих областей, вероятно, сохраняли экономическое значение издревле населенные районы: северо-запад Хэнани и юг Хэбэя.

[29] Об истории выплавки железа, в Китае см.: *Ян Гуанъ.* Изобретение и развитие техники выплавки железа в Древнем Китае. Шанхай, 1956 (на кит. яз.); *Needham J.* The development of iron and steel technology in China. London, 1958. Литье чугуна принесло пользу главным образом земледелию, ремеслам и горному делу. Изделия из чугуна весьма неоднородной структуры были очень ломкими, и лишь к концу эпохи Борющихся царств в областях долины Янцзы (царство Чу, бывшие царства У и Юэ), где, по-видимому, техника металлургии всегда была более передовой, чем на Севере, научились изготовлять железное оружие, комбинируя литье с ковкой.

письменных источниках относится к 513 г. до н. э., а последние археологические открытия позволяют датировать наиболее ранние образцы железных литых предметов началом V в. до н. э. Таким образом, начало нового, последнего перед образованием империи, периода китайской истории можно отнести примерно к 500 г. до н.э. Очевидно притом, что распространение железоплавильного производства на протяжении V в. до н. э. сделало возможным обработку обширных земель, а без него чрезвычайно быстрое экономическое развитие китайского мира в течение последних пяти столетий невозможно было бы себе представить. Благодаря производству большого количества инструментов для рубки леса, обработки земли и больших ирригационных работ, благодаря повышению урожайности, о котором свидетельствует рост ставки натурального налога, Китай, по-видимому, достиг плотности населения и уровня благосостояния, почти на две тысячи лет давших ему значительное преимущество перед странами Запада. Выплавка чугуна стала известна в Китае примерно на 1600 лет раньше, чем в Европе[30].

Но как бы ни были важны эти изобретения, они были лишь предпосылкой важнейших для истории Китая перемен, а не вызвали их непосредственно.

Развитие техники и изменение природных условий в Китае действительно благоприятствовали концентрации средств производства и богатств. Плавка железа, которая была возможна только при совершенствовании системы подачи воздуха, поскольку требует очень высоких температур, производилась на предприятиях достаточно крупных, где было достаточно топлива. По технологии производства плавка железа не могла производиться мелкими ремесленниками, в отличие от ковки (единственный способ производства железа, известный в античной и средневековой Европе). Железоплавильные заводы были государственными предприятиями или же принадлежали богатым купцам-промышленникам, работавшим на глав своих государств.

То же можно сказать и по поводу животноводства: с той поры, как обширные равнины Китая стали распахиваться и количество пастбищ сократилось, разведение лошадей стало возможно только в огромных табунах, находившихся в степи (Ордосская излучина, Монголия, север Щэньси и Ганьсу). Или .же лошадей выменивали на ткани в ходе официальной торговли с кочевыми племенами. В этом случае также видно, насколько условия животноводства в Китае отличались от Европы, где преобладало мелкое скотоводство.

Кроме того, осушение и орошение земель в Китае было серьезной проблемой, поскольку она должна была решаться в масштабах целых больших областей (мы не говорим о небольших местных ирригационных работах, несомненно, проводившихся с древнейших времен), сельские общины не справились бы с ней. Вот почему некоторые теоретики полагали, что в некоторых регионах мира ирригация породила особую форму правления («восточный деспотизм» по терминологии Карла Виттфогеля).

Но если в Китае природа и развитие техники действительно способствовали появлению определенной формы государственного устройства и, в первую очередь, становлению социальной группы крупных предпринимателей, то первую роль в этом процессе все равно следует приписать историческим факторам.

В городах-государствах исторической эпохи ремесленные мастерские зависели от дворца; свободных ремесел там не существовало. Так что воинские государства не вводили заново прямой или косвенный контроль политической власти над ремесленным производством, а следовали очень древней традиции. Закрепляя же за казной доходы от эксплуатации недр, лесов и болот, они тоже руководствовались традицией. Наконец, с одной стороны, система регулирования водных ресурсов и ирригации, а также контроль за этой

---

[30] Кроме того, в эпоху Борющихся царств произошел радикальный прогресс в агрономических знаниях. К этому периоду относятся первые сельскохозяйственные трактаты.

системой могли влиять на политическое устройство военных государств и империи в Китае, а с другой — большие ирригационные работы были возможны только потому, что уже существовали соответствующие государственные структуры, а также многочисленная и дисциплинированная рабочая сила, которую давала армия.

Таким образом, ирригация — лишь один из аспектов перемен в китайском мире, начавшихся с железным веком, причем, возможно, не главный; во всяком случае, ею одной нельзя всего объяснить.

II. — Реформы

В некоторых царствах первые предвестники грядущих перемен: фискальные реформы, писаные уголовные законы, начало организации централизованного управления, — появились еще в VI в. до н. э., когда китайские земли были очень слабо обработаны и, несмотря на вырубку лесов, сохранялись большие площади кустарников и болот. Новая форма войны — стремление к уничтожению противника и захвату территорий — заставила китайцев осознать значение экономических и политических факторов. Архаические порядки не соответствовали такой войне, требовавшей единоначалия, продуманной стратегии, обученных войск и многочисленных резервов. Чем ожесточеннее становились битвы, тем необходимее становилась централизация. Поэтому реформаторское движение, начавшееся в VI в. до н. э., продолжилось в V и в IV вв. до н. э. В разных царствах реформы начались в разное время, были более или мене радикальными, но перед ними везде стояли одни и те же задачи: сломить могущество крупной знати, укрепить центральную власть, накопить людские и продовольственные ресурсы. В большинстве царств прежние уделы были постепенно заменены административными округами. Структура уездных и волостных управлений, первоначально учреждавшаяся на вновь завоеванных землях, со временем распространялась и на старые территории. Установился обычай ставить во главе этих административных единиц сменяемых чиновников, получавших жалованье зерном, которые каждый год подавали подробный отчет о своей деятельности. Так было в конце V в. до н. э. в царстве Вэй, где реформа коснулась даже высших лиц центральной администрации и воинского начальства: начиная с этого времени, министры и генералы в этом государстве назначались непосредственно правителем, в то время как по существующей ранее традиции эти посты закреплялись за членами знатных фамилий.

Централизации власти в царстве Вэй служили и другие меры: издание связного кодекса наказаний и наград, позволявшего отбирать и держать в послушании лучших слуг государства, всеобщий запрет на критику законов царства, введение суровых наказаний за подделку казенных печатей и двухчастных грамот для сбора войск[31], запрет кровной мести, из-за которой при господстве знатных фамилий случались затяжные междоусобные войны, регламентация образа жизни, имевшая целью сделать невозможным образование клиентелы и закрепить за государем привилегию на роскошь.

К великому сожалению, нам известно о реформах лишь по лаконичным текстам и можно только догадываться о том, насколько важно было бы знать о них подробнее. В разных государствах реформы проходили по-разному. В царстве Хань в середине IV в. до н. э. один реформатор (неизвестно, были ли приняты его советы) доказывал, сколь выгодно правителю сохранять в полнейшей тайне свои политические намерения и решения, предлагал строго контролировать чиновников, функции которых должны быть чрезвычайно четко определены. В царстве Ци в 356—320 гг. до н. э. принимались различные

---

[31] Двухчастные грамоты (торговые контракты и приказы, передававшиеся войскам) состояли, как правило, из двух бамбуковых дощечек с текстом на них. Сложив дощечки, администрация удостоверялась в их подлинности. См.: *R. des Rotours.* Les insignes en deux parties (*fou*) sous la dinastie des T`ang. // Тун бао. Т. 41, № 1-3.1952. С. 1-148.

меры для поощрения земледелия и распашки новых земель. Кроме того, были установлены награды для всех тех, кто способен представить государю замечания на законы. Таким образом, древний обычай замечаний, некогда бывших долгом знатных советников, распространялся на все население. В царстве Чу в начале IV в. до н. э. было узаконено, что наследственные привилегии действуют лишь до третьего колена, и вся знать выслана в слабо населенные районы. У нерадивых чиновников сокращалось или вовсе изымалось жалованье, а сэкономленные таким образом средства направлялись на подготовку профессиональных воинов.

Но самые последовательные и радикальные реформы произошли в середине IV в. до н. э. в царстве Цинь. С 356 по 348 гг. до н. э. одна реформа проводилась за другой явно по заранее намеченному плану. Знать в этом царстве была слаба и, очевидно, слишком бедна, чтобы оказать сопротивление, а потому социально-политические перемены оказались гораздо глубже, чем в окрестных государствах. Вся территория Цинь была разделена на сорок один уезд, меры длины и веса унифицированы. Были упразднены древние титулы и привилегии знати и учреждены двадцать воинских чинов для отличившихся в сражениях, каждый чин давал право на пенсию определенного размера. Чины присуждались по простому и объективному критерию: показателем доблести служило число отрубленных неприятельских голов. В сельском хозяйстве поощрялись освобождением от общественных работ крестьяне, урожай которых превосходил определенное количество зерна. Бродяжничество было запрещено, все перемещения лиц находились под строгим контролем полиции. К этому времени относятся первые листки регистрации на постоялых дворах. Бродяг и бездельников обращали в государственных рабов. Классические книги («Книга песен», «Книга историй», «Книга обрядов» и др.), служившие основой школьного образования, были сожжены, а после объединения Китая эта мера сразу же распространилась на всю империю.

Но самые глубокие реформы состояли в разрушении древних крестьянских общин и новой форме их организации. Крестьян сгруппировали по пятеркам и десяткам; так же были сгруппированы и военные. Каждая группа общин была связана круговой порукой и обязательством доносить обо всех преступлениях. Реорганизация сельских общин сопровождалась также новым межеванием полей и уничтожением прежних ограждений на них. Таким образом, в конечном счете целью законодателя были не частные реформы (административная и военная), а радикальное преобразование общества, переуст- ройство даже его нравов. Не будет преувеличением в данном случае сказать, что это была революция. Дело, начатое в Цинь в середине IV в. до н. э., казалось бы, должно было прерваться со сменой правителя в 338 г. до н. э., но этого не случилось: оно было подхвачено и продолжено будущим основателем империи. В этом и заключается историческое значение реформ в государстве Цинь. Реформы IV в. до н. э. обеспечили Цинь военное превосходство, которое позволило ему установить господство над всем Китаем. Эти же реформы служили основой политики первых китайских императоров.

Уголовные законы, системы премий и наград, равно как и установленный в деревнях тип общинного устройства, — военного происхождения. Подданным была предписана суровая армейская дисциплина, и все усилия благодаря системе реформ были направлены к единой цели — завоеваниям.

III. - Война

Итак, война вообще представляется главным двигателем социально-политических перемен в китайских государствах V—III вв. до н. э. Но, очевидно, и некоторые изменения в военной технике и в организации воинских частей также имели серьезные последствия для китайского общества. Самые значительные из них — появление регулярной пехоты (конец VI в. до н. э.), изобретение арбалета (V в. до н. э.) и

формирование кавалерийских частей (IV в. до н. э.).

Пример в усовершенствовании организации войска подали некоторые окраинные царства: регулярную пехоту первыми учредили, несомненно, У и Юэ в озерной и болотистой области низовьев Янцзы, непроходимой для колесниц, а около 540 г. до н. э. сражения против варварских племен в горной местности вынудили и царство Цзинь в Шаньси завести пехотные подразделения[32]. Вскоре их примеру последовало государство Чжэн в восточной Хэнани. Знатные цзиньцы, привыкшие к поединкам на колесницах, с трудом соглашались на роль простых пехотинцев. Но это открыло путь неизбежным и необратимым социальным переменам: поединки чести (стычки благородных воинов на колесницах) сменились сражениями упорядоченных и дисциплинированных частей больших пехотных армий, родился новый мир. Появление солдата-крестьянина, выращивавшего злаки и сражавшегося в пешем строю, было, вне всякого сомнения, важнейшим социально-политическим фактом эпохи Борющихся царств. Нетрудно угадать и последствия этого: старая мораль личной чести сначала отошла на второй план, а потом и совсем постепенно забылась за требованиями порядка, дисциплины и эффективности.

Между тем, количество перемен в войсках постепенно увеличивалось. В эпоху государств-гегемонов войско состояло из нескольких сот колесниц, за которыми шло еще несколько десятков тысяч неподготовленных и недисциплинированных человек пешком: слуг, носильщиков, конюхов, землекопов и проч. В конце этой эпохи, когда столкновения между царствами стали более ожесточенными, число колесниц увеличилось и достигло нескольких тысяч в войске каждого из крупных царств. Но начиная с конца VI в. до н. э., развитие пехоты постепенно привело к уменьшению числа и роли колесниц. Они не вышли полностью из употребления даже в III в. до н. э., но теперь составляли лишь один из родов войск, основные силы которых составляли специализированные пехотные полки: копейщики, лучники, арбалетчики, обозные и др. Вероятно, в конце V в. до н. э. появились арбалеты и катапульты. Арбалет, тетива которого натягивалась ногой, был гораздо мощнее и стрелял дальше лука: по свидетельству современников, он поражал противника на расстоянии нескольких сот метров.

Появление кавалерии было последним значительным изменением в составе войск. И это нововведение, вероятно, появилось под влиянием и давлением окраинных племен. В 307 г. до н. э. царство Чжао (самое северное из трех, на которые распалось древнее Цзинь) создало кавалерийские части, точно скопированные с кавалерии своих противников — кочевников Ордосской излучины и монгольской степи[33]. В это же время в кавалерии распространилась стрельба из лука на всем скаку (одно из любимых упражнений китайских всадников времен империи) и пышное платье древних аристократов было заменено штанами, которые стали обычной одеждой народа во всем Китае. Именно в конце IV в. до н. э. из степи пришли конные воины, вооруженные луками — грозные сюнну (гунны). Сложное искусство объезжать верховых лошадей, возникшее в Европе около 1000 г., в Восточную Азию, по-видимому, проникло гораздо позднее. Отсюда важное различие между западной и китайской цивилизациями. Когда в Китае появилась кавалерия, основные перемены в обществе уже состоялись. Вследствие этого всадники никогда не были там благородным сословием: напротив, их рекрутировали из крестьян, нередко варварского происхождения. Можно сказать больше: именно из-за социальных перемен V—III вв. до н. э. и забвения традиций благородного сословия архаической эпохи воинское ремесло во время империи считалось уделом простонародья.

Впрочем, кавалерия всегда оставалась довольно немногочисленной. Это были элитные части со строго определенной функцией: мобильность и быстрота кавалерии применялись только для набегов и внезапных нападений. В самых могущественных царствах

---

[32] См.: *Couvreur S.* La chronique de la principaute de Lou, t. 3, p. 28.
[33] См.: *Chavannes E.* Memoires historiques de Se-ma Ts`ien t.5, p. 77.

накануне объединения империи насчитывалось только 5—10 тысяч всадников. По сравнению с количеством колесниц и численностью конницы пехота играла в войсках поистине определяющую роль. Число пехотинцев достигало сотен тысяч, и если судить по тем огромным цифрам, которые содержатся в источниках, очевидно, почти все мужское население, способное носить оружие, состояло в войсках в качестве солдат пехоты.

Но прежде, чем обязательная воинская повинность стала правилом, в разных царствах и в зависимости от степени политической централизации отличалась и система воинского набора. Первоначально добровольцев рекрутировали, привлекая премиями (в Ци — восемь унций золота за отрубленную голову неприятеля) или обещанием освобождения от налогов (в царстве Вэй). Царство Цинь в IV в. до н. э. первым ввело систему обязательной воинской повинности для всех подданных, подав пример, которому Китайская империя следовала до X в. Там же, где сохранялись аристократические обычаи, унаследованные от эпохи государств-гегемонов, вельможи создавали свои личные ополчения, и эта практика впоследствии возобновлялась в империи при каждом ослаблении центральной власти. В эти периоды крупные военачальники играли роль проконсулов в отдаленных провинциях и, прибегая к демагогии, превращали подчиненные им войска в личных клиентов.

В V—III вв. до н. э. технический прогресс, рост числа людей, участвовавших в войнах, и единоначалие повлияли и на способы ведения войны. Походы стали более дальними и продолжительными, а потому развивалось искусство стратегии. Войсками командовали не правители и их министры — члены знатных фамилий, как прежде, а полководцы — специалисты. В ходе тотальных войн между крупнейшими царствами становилось все яснее, что исход сражений зависит от могущества каждого из государств: числа и морального духа жителей, политического строя, состояния земледелия и зерновых запасов. Целью войны был разгром противника и аннексия новых территорий. Война зачастую превращалась в осадную: войска стремились захватить города с постоянными гарнизонами и укрепленные позиции. Если в архаическую эпоху исход войны решался за один — два дня, то в V—III вв. до н. э. осады иногда продолжались по три года. В качестве военной техники стали использоваться башни, осадные лестницы, земляные валы, достигавшие высоты городских стен, подкопы и мины, задымление подземелий при помощи мехов; на границах государств и в горных проходах возводились крепости. Но никогда не забывали, что решающим фактором победы или поражения может быть моральный дух противника, а потому широко прибегали к пропаганде, шпионажу и военным хитростям[34].

IV. — Большие общественные работы

С одной стороны, война требовала все больших ресурсов и надежной защиты от неприятельских нападений, но, с другой стороны, войско как раз и давало весьма многочисленную и хорошо организованную рабочую силу. Таким образом, воинские государства могли предпринимать крупные работы по благоустройству окружающей среды и строительству грандиозных фортификаций. Наконец, массовое производство железных инструментов для вырубки лесов, земляных и полевых работ именно в это время предоставило технические средства для столь крупных проектов.

---

[34] Согласно «Истории династии Хань», в эпоху ранней Хань были собраны в один сборник 182 военных трактата преимущественно эпохи Борющихся Царств. Военные специалисты делились на четыре группы, которые можно (весьма приблизительно) назвать так: стратеги, тактики, толкователи знаков, техники. Из всех этих трактатов сохранился лишь один, ставший классическим, и комментарии на него 150 с лишним авторов. Вот основные принципы, которыми, согласно этому трактату должен руководствоваться военачальник: 1. Знать свою силу и силу противника; 2. Удерживать инициативу и держать противника в нерешительности; 3. Обманывать противника и заставать его врасплох; 4. Быть неуловимым, соединять открытое нападение с тайным; 5. Передвигаться стремительно; 6. Сообразовать стратегию с количеством противостоящих войск; 7. Во время сражения постоянно наблюдать за противником, чтобы менять тактику по ходу боя.

Царства Чу в Хэнани и Ци на юге Шаньдуна в V в. до н. э. первыми построили на своих границах оборонительные стены (шаньдунская стена перестроена и продолжена в 350 г. до н. э.). В IV в. до н. э. другие царства последовали их примеру. Так, Вэй в 358 и 352 гг. до н. э. укрепило долину Лохэ на севере Шэньси, а позже продолжило эту стену на 800 км до Ордосской излучины. В 369, 356 и 333 гг. до н. э. Чжун-шань (варварское княжество на севере Шаньси в Хэбее), Чжао и Янь также построили укрепления (менее значительные) для охраны своих южных границ.

Часто ограничивались укреплением дамб, уже построенных вдоль рек для защиты от наводнений. Именно так в 461 г. до н. э. Цинь укрепило по границе с Вэй дамбы по Хуанхэ, а в 417 г. до н. э., когда Вэй оттеснило его к долине Лохэ, — дамбы на этой реке. В горных районах строили уже не укрепленные дамбы, а стены.

Как городские укрепления, так и оборонительные сооружения вдоль границ были глинобитными, реже каменными. Они обязательно снабжались дополнительными укреплениями и оборонялись войсками, специально предназначенными для охраны соответствующей области. О приближении неприятеля днем оповещали дымом, ночью — огнем. Эти меры были прообразом системы обороны империи Хань от набегов сюнну[35]. Одни стены служили, чтобы уберечь царства от вторжений самых сильных соседей, другие — для прикрытия китайских земель от набегов кочевников из Монголии и с Маньчжурской равнины. После военных кампаний, позволивших оттеснить эти племена к северу, северные китайские царства выстроили большие стены уже в районах поселения кочевников-скотоводов. Стена царства Чжао к северу от Ордосской излучины была построена вскоре после организации кавалерийских частей в этом государстве — в 307 г. до н. э. Яньская стена на Маньчжурской равнине построена несколько позже. Наконец, Цинь выстроило стену на своей северной границе в 270 г. до н. э., после разгрома большого отряда воинов-кочевников.

Исходя из дат строительства стен и предшествовавших им сражений, можно прийти к выводу, что в конце IV в. до н. э. северные кочевники стали представлять значительно большую угрозу. Но ведь в VI в. царству Чжао надо было обороняться от варварских племен, сражавшихся в пешем строю, а в конце IV в. до н. э. китайцам пришлось столкнуться с всадниками-лучниками. Такие враги были гораздо сильнее и впоследствии причиняли много беспокойства династии Хань.

В деле обороны от степных варваров, как и во многом другом, империя лишь продолжила и завершила начатое Борющимися царствами: Великая Китайская стена первого китайского императора Цинь Шихуанди, защищавшая Китай от набегов сюнну при династиях Цинь и Хань, была образована соединением стен, построенных царствами Цинь, Чжао и Янь в конце IV — начале III в. до н. э. После того, как стены продолжили на запад до юга Ганьсу и на восток до Ляодунского залива, они образовали непрерывную оборонительную линию протяженностью более 3000 км. Следует заметить, что эти укреп-ления, остатки которых обнаружены археологами, проходили намного севернее выстроенных в XV в. при династии Мин, значительные фрагменты которых сохранились до сих пор.

Война требовала роста сельскохозяйственного производства, и это объясняет, почему в эпоху Борющихся царств велись такие крупные работы по осушению и ирригации. Первые каналы были прорыты в начале V в.до н. э. Царство У соединило каналом Янцзы и Хуайхэ, а в 482 г. до н. э. продолжило этот водный путь до южного побережья Шаньдуна. И не случайно, конечно, У одним из первых царств и организовало пехотное войско, и предприняло большие ирригационные работы. В конце V в. до н. э. его примеру последовало Вэй, где канал был прорыт до границы нынешних провинций Хэнань и Хэбэй. Там же, в Вэй каналы строились и в течение IV в. до н. э.: в 360 г. до н. э. между озером и рекой Хуанхэ и в 339 г. до н. э. в районе современного Кайфына. В конце III в. до н. э. в царстве Цинь был прорыт

---

[35] Об обороне степных границ в эпоху Хань см.: *Maspero H.* Les documents chinois de la troisieme expedition de sir A. Stein en Asie centrale. Londres, 1953, p. 1—13.

большой канал севернее реки Вэйхэ, параллельно ей; видимо, именно это предприятие обеспечило Цинь большой приток средств, позволивший быстро завершить завоевание других китайских царств.

Но оросительные каналы были далеко не единственными работами, связанными с водой. Естественные впадины превращались в водохранилища, вдоль рек в местах опасных разливов строились дамбы, шлюзы регулировали расход воды в реках, иногда реки поворачивались плотинами. Самая знаменитая из этих работ была предпринята в верховьях Миньцзян-хэ — крупного притока Янцзы в Сычуани — около 300 г. до н.э. после завоевания равнины Чэнду царством Цинь. Большая плотина позволила направить течение Миньцзянхэ в русло, пробитое через гору. С этого началось процветание равнины Чэнду, которую стало возможно регулярно обрабатывать, не опасаясь наводнений.

Большие ирригационные работы в V в. до н. э. были еще редки, в IV и III вв. до н. э. их стало больше. То же можно сказать и о других областях жизни: V в. до н. э. — время, когда лишь появляются отдельные нововведения (металлическая монета, оборонительные стены, железные инструменты); в IV же ив III вв. до н. э. они широко распространяются во всех китайских государствах.

V. — Развитие ремесел и торговли

Тот момент, когда во всех царствах усиливается центральная власть и организуется администрация, совпадает с тем, когда вследствие роста богатства в китайском мире появляются новые социальные группы, деятельность которых не связана непосредственно ни с земледелием, ни с войной. Это явление, сопровождавшее укрепление государства, было настолько сильным, что напугало правителей и теоретиков тирании. Именно в это время у некоторых авторов появляется различие, из которого исходили и государственные деятели времен империи: различие между основными и неосновными занятиями. Основные занятия *(бэнъ)* служат производству предметов, необходимых для жизни — зерна и тканей; неосновные или избыточные *(мо)* — это ремесла, свободная торговля, а также вообще все художественные и умственные занятия.

Существует много доказательств тому, что появились новые группы населения, но самым убедительным из них является косвенное свидетельство, а именно быстрое развитие городских агломераций в V—III вв. до н. э. Город-дворец архаической эпохи и эпохи государств-гегемонов был военным, политическим и религиозным центром, где жили лишь благородное сословие со слугами и ремесленники, работавшие для дворца. Укрепления, как правило, не превосходили 400—600 м в окружности. Города IV—III вв. до н. э., на местах которых в последнее время проводятся раскопки, были окружены стенами, доходившими до 3 км длины, а тексты, также сообщающие о таких размерах китайских городов, позволяют оценить число жителей крупнейших из них в несколько десятков тысяч. Нередко города защищались и вторым кольцом укреплений, где в случае войны укрывалось сельское население. Самым крупным городом IV— III вв. до н. э. была, вероятно, столица царства Ци в Шаньдуне, разбогатевшая благодаря торговле бронзой, тканями, солью и рыбой. По некоторым источникам, в ней жило 70000 семей, то есть более 300 тысяч жителей. Возможно, впрочем, что эта цифра преувеличена. Во всяком случае, именно этот город является ярким свидетельством существования чисто городских классов: свободных ремесленников, мелких торговцев и художников всякого рода. В каждом квартале жили люди одной профессии. Большое место в жизни горожан занимали игры и развлечения; город прославился академией, в которой вели дискуссии моралисты и теоретики политики.

Таким образом, благодаря эксплуатации бывших лесов и болот, а также крупным государственным предприятиям (рудники, железоплавильные заводы, гончарные мастерские, солеварни и т.д.) можно наблюдать развитие частного ремесла и торговли,

имевших целью удовлетворять стремление к роскоши расту- щего городского населения, параллельно с обогащением государств. В большинстве ремесел эпохи Борющихся царств отмечается технический прогресс: в металлургии (появление бронзовых сплавов, пайки, инкрустаций), ткачестве, деревообработке, лаковом производстве, керамике и др. Фискальная деятельность государств и развитие свободной торговли в эпоху Борющихся царств объясняют распространение монеты.

По данным китайских археологов, первые металлические монеты из бронзы появляются около 500 г. до н. э. Это были довольно тяжелые слитки в форме мотыжных лезвий или ножей. Возможно, эти металлические предметы первоначально служили для обмена в деревнях. В конце IV в. до н. э. Мэнцзы свидетельствует о практике обмена железных вещей на зерно, причем следует отметить, что по китайским понятиям металлическая монета тесно связана с зерном и тканями. Уже при империи в течение долгого времени основной проблемой денежного обращения было равновесие между производством зерна и денежной массой. Хотя монета появилась в V в. до н. э.» во всеобщее употребление она вошла лишь начиная с IV в. до н. э.: монеты стали легче и удобнее, получили определенное денежное достоинство. На них стали обозначать место чеканки (столица царства или иной крупный город) и номинальную стоимость. Благодаря последним открытиям смогли составить список 96 различных мест, где производилась чеканка. Четыре типа монет имели хождение в Китае в IV—III вв. до н. э. Ареалы их распространения обозначены довольно четко и совпадают с зонами, весьма различными и в других отношениях — своего рода культурными областями. Это «территории трех Цзинь» — Хань, Вэй и Чжао (область Шаньси и граничащих с ней районов Хэнани и Хэбэя), где ходили мотыго-образные монеты; северо-восточные царства (Янь в Хэбэе и Ци в Шаньдуне), где монеты были ножевидными; царство Цинь (долина Вэйхэ в Шаньси), где имели хождение круглые монеты с квадратным отверстием посередине; наконец, царство Чу (область среднего течения Янцзы и долины Ханьшуй), где в употреблении были золотые деньги в форме прямоугольников, разделенных на шестнадцать квадратиков, а также бронзовые деньги, воспроизводившие форму каури — ракушек, которые высоко ценились в архаическую эпоху. Наделенные магической силой, они являлись символом плодородия и служили предметами украшения.

Наряду с монетой оживлению коммерческой деятельности способствовало и другое нововведение: письменные торговые контракты, скорее всего вошедшие в употребление именно в эту эпоху. Подобные документы, носившие разные названия, оформлялись так же, как и распоряжения государственной администрации: у каждой из сторон сделки хранилась половина разломанной деревянной или бамбуковой таблички; возможность сложить две таблички была достаточным основанием для установления подлинности документа.

Таким образом, в IV и III вв. сложились благоприятные условия для возникновения купеческой психологии, основанной на расчете, прозорливости и хитрости. Глав государств нередко связывали тесные отношения с крупными купцами, за которыми закреплялось руководство большими государственными предприятиями (рудниками, солеварнями, плавильнями и т.п.), вследствие чего правители стали прислушиваться к их советам и воспринимать их точку зрения. И действительно в политических теориях, направленных на укрепление центральной власти, заметно влияние социальной группы богатых купцов. Если при господстве знатных фамилий властвовали обычай и ритуал, создававшие бесчисленные препоны для деятельности этой группы общества, то политическая централизация, единообразие законов и социальное нивелирование чрезвычайно благоприятствовали ее развитию.

VI. — Исторические события

Военная история периода Борющихся царств была прямым продолжением истории VI в. до н. э.: все та же череда битв, союзов и непрочных коалиций. Традиция насчитывает в это время семь сильнейших царств, конфликтовавших между собой: «три Цзинь» (Хань,

Вэй и Чжао) в Шаньси, Ци в Шандуне, Цинь в Шэньси, Чу в Хубэе и Янь в Хэбэе. Но два самых северных царства — Янь со столицей близ нынешнего Пекина и Чжао — играли довольно скромную роль и уж во всяком случае не более важную, чем Юэ, которое традиция не включает в список великих царств, вероятно, потому, что оно было полуварварским. Захватив в 473 г. до н. э. царство У, Юэ заняло всю область низовьев Янцзы, но в 306 г. до н. э. оно было уничтожено царством Чу.

На протяжении V—III вв. до н. э. мы наблюдаем, как исчезали древние княжества Хэнани и районов, прилегавших к этой провинции. Некоторое время они играли роль в политике равновесия великих держав, пытаясь столкнуть их друг с другом или склонить к перемирию, но постепенно были поглощены окружавшими их царствами: Хань, Вэй, Чжао, Ци и Чу. Из этих пяти соперников, которых превратности войн иногда заставляли ради выгоды или из-за общей опасности вступать между собой в союзы, в V в. до н. э. самым сильным и активным было Вэй. Его временное превосходство объясняется благоприятным расположением царства в долине Фэньхэ и политическими реформами, к которым оно приступило одним из первых. Но в середине IV в. до н. э. все более и более опасными для других китайских государств становятся замыслы небольшого, изолированного и дотоле отсталого царства Цинь. Оно было защищено горами между долиной Вэйхэ и равнинами Хэнани и казалось неприступной крепостью, а великие реформы середины IV в. вдруг придали ему нежданную мощь. В 328 г. до н. э. Цинь завладело севером нынешней провинции Шэньси, отогнав степных кочевников далеко от своего жизненного центра — долины Вэйхэ. В 316 г. до н. э. войска царства вошли в долину Чэнду, а в 312 г. до н. э. заняли весь юг Шэньси, выйдя, таким образом, к верховьям реки Хань-шуй и угрожая древнему царству Чу. Но решающим моментом, несомненно, был 308 г. до н. э., когда Цинь открыло себе дорогу в Хэнань, завоевав западную часть этой провинции. С этого времени Цинь, продолжая сражаться с Вэй и Хань, направило свой натиск также на юг и на восток. Чтобы противостоять этому натиску, северные и южные царства, к которым иногда присоединялось и Ци, заключали между собой то более, то менее продолжительные союзы. Но к концу III в. до н. э. угроза со стороны Цинь для независимости других китайских государств стала неотвратимой. В 230—221 гг. до н. э. серией молниеносных походов, напоминающих блестящие наполеоновские кампании, Цинь овладело всем Китаем от монгольских степей и равнин Маньчжурии до горных районов к югу от Янцзы.

Глава VI

ИДЕЙНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ ВОИНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Перемены в китайском обществе с начала V в. до н. э. стали причиной чрезвычайного умственного брожения. Философские и политические школы важны для понимания истории, поскольку на свой лад выражают конфликты эпохи и, в свою очередь, своей рефлексией и глубиной, своими формулировками влияют на ход исторического развития. Не будет преувеличением видеть в империи Цинь сознательную и систематическую реализацию одной из теорий государства, сложившихся в эпоху Борющихся царств, а моральный конформизм, установившийся при Хань, в новых условиях имперского этатизма воспроизводил традиции, оставленные главами некоторых школ последних веков перед объединением империи.

Развитие философских идей подтверждает представление об историческом развитии: у каждой эпохи свои, только ей свойственные проблемы. С другой стороны, суждения ученых были бы весьма однобокими, если бы не были подкреплены историческими фактами.

Пытаясь представить образ трех столетий, в течение которых завершилось крушение архаических структур, возникали аристократические клиентелы, рождалось и укреплялось государство, появились воины-крестьяне, купцы-предприниматели и чиновники на жалованье — значит неизбежно путаться и в направлениях мысли, имеющих смысл лишь в историческом контексте.

Первые китайские философские школы появились во время господства в обществе клиентел, которые зародились в VI в. до н. э. во время упадка архаического общества. С V в. до н. э. и до основания империи развитию клиентел во всех китайских царствах благоприятствовало обогащение населения. Могущественные аристократы, министры и правители царств содержали дворы: не только вооруженную стражу, шутов, музыкантов, фехтовальщиков, но и умельцев во всякого рода искусствах и ремеслах, а среди них — мастеров диспута, дипломатов и мудрецов. Эти люди подчас служили им советниками, делали замечания на их указы. Если эти учителя нравственности и политики становились прославленными, при них, в свою очередь, возникала группа клиентов обычно из десятков учеников, повсюду следовавших за ними. Иногда число учеников достигало нескольких сотен, и тогда относительно организованная школа приобретала черты секты. Главы школ и сект ходили из царства в царство, предлагали свои услуги при дворах царей и вельмож, жили на содержании тех, кто искал для себя особой мудрости. Из этого обычая родилось даже некое учреждение: в Линьцзы, столице царства Ци, во второй половине IV в. до н. э. была основана академия, где на государственный счет жили учителя различных направлений. Возможно, некоторые черты, заимствованные учениями одних школ у других, их влияние друг на друга идут от дискуссий в академии Линьцзы.

I. — Учителя V века до н. э.: Конфуций и Моцзы[36]

Первым главой философской школы был Конфуций (Кунцзы). Он был благородного происхождения, хотя и не из высшей знати, и весь проникнут моральными принципами, некогда свойственными его сословию: умеренностью, почитанием ритуалов, верностью древним традициям, которые ревниво хранили старые княжества Великой Китайской равнины.

Вероятно, Конфуций принадлежал к слою, стоявшему чуть ниже высшего общества, а судьба его связана с небольшой, очень древней и, конечно, очень консервативной социальной группой помощников знатных правителей: писцов и гадателей. На это указывает многое. Авторитетные тексты, передававшиеся в этом кругу (высказывания древних царей, религиозные гимны, придворные поэмы, пособия по гаданию, летописи царств) занимают в конфуцианском воспитании гораздо больше места, чем военное дело. Стрельба из лука для Конфуция — всего лишь ритуальная церемония, и только тем для него интересна. До управления колесницами ему и вовсе нет дела. Зато, не участвуя в борьбе за почести и в войнах за власть, которыми только и занимались знатные семьи того времени, он может судить их, поскольку стоит на страже традиции. Пренебрежение вельмож ритуалами, их любовь к роскоши, рождение новой ментальности, несовместимой с древним чувством меры, заставляют Конфуция заново обозначить идеал порядочного человека — по воспитанию не столько воина, сколько книжника, почти «интеллигента», но на деле преимущественно озабоченного правильностью поведения, ритуальных жестов и поз. Конфуцианская мораль не признает компромиссов (прежде всего в деликатном вопросе отношений между Мудрецом и власть имущими) и вместе с тем чрезвычайно гибка, начисто лишена ригоризма. Дело в

[36] Традиционные даты их жизни: Конфуций — 551—479; Моцзы — ок. 479—381. — *Прим. пер.*

том, что она не знает никакого *a priori,* никакого абстрактного принципа, а вытекает из размышлений о человеческом поведении, из тончайшего анализа его самых малых нюансов. Такт, психологическое проникновение, точная оценка обстоятельств — вот чего требует мораль, порожденная ритуалом и основанная на ритуале. Вот что дает учению Конфуция обаяние и теплоту гуманности. И этот идеал постоянного самонаблюдения и неустанного самосовершенствования навеян зрелищем упадка древних нравов: ведь оставаться верным традиции неизбежно значит видоизменять ее.

Возможно, школа Конфуция зародилась в училищах, где некогда осуществлялось образование молодых людей благородного сословия. Конфуций задался целью возродить общество своего времени с помощью ритуала и морали потому, что административная организация в этом обществе была в зачаточном состоянии и еще казалось, что порядок в обществе можно обеспечить соблюдением традиционной иерархии и уставов.

Однако позже Моцзы, глава другой школы — вероятно, представитель простых дворян, в военных походах составлявших основную массу воинов *(ши)* — обличил коренные пороки этого общества. Для Моцзы (конец V — первые годы IV вв. до н. э.) клановый дух, борьба за почести — корень всех бед его времени: войн между государствами, борьбы между знатными фамилиями, непомерного расточительства, нужды простонародья. Он тоже моралист, но его вдохновляет идеал равенства. Семейственный эгоизм, нравы, неотделимые от клиентского устройства общества, он желает заменить всеобщим альтруизмом; пышности и расточительству, захвату богатств и женщин знатными фамилиями он считает нужным противопоставить единообразную регламентацию расходов и образа жизни (а не иерархизированную регламентацию, остававшуюся идеалом конфуцианской школы); его осуждение всякого человекоубийства, конечно, подразумевает учреждение публичного правосудия и запрет на частную месть. Моцзы — сторонник самодержавной власти, опирающейся на тот бедный, близкий к крестьянству класс, к которому он сам принадлежал. Понятно, почему от конца V в. до н. э. да образования империи идеи Моцзы имели в Китае гораздо более широкий отзвук, нежели аристократический идеал порядочного человека, защищавшийся Конфуцием. Кроме того, школа Моцзы гораздо больше походила на секту, чем на школу.

Она была организованна, имела устав и официальных глав, действовала на общество личным примером. Ее члены одевались как крестьяне или ремесленники, активно выступали против грядущих войн или защищали государства, подвергшиеся несправедливому нападению. В этой школе учили технике обороны городов: о ней подробно говорится в нескольких главах сочинения, приписываемого Моцзы.

Но в его школе учили и правилам убеждения, ибо в число главных видов деятельности ее приверженцев входило обращение неофитов и убеждение власть имущих в их неправедности и нечестии. Ученики и наследники Моцзы первыми изложили правила ораторского искусства, и именно в их среде появились первые диалектики.

Но и другие явления истории IV—III вв. до н. э. неизбежно благоприятствовали появлению китайской софистики. Этому способствовали, с одной стороны, старая практика дипломатических переговоров, с другой — придворные игры. В среде шутов и скоморохов были в ходу игры на сообразительность: загадки, парадоксы, рассуждения с абсурдными выводами; иногда предполагают, что на эти игры повлиял фольклор других народов. Из соединения этих традиций родилось течение мысли, имеющее некоторое сходство с основным направлением греческой философии: китайских софистов занимали проблемы логики и физики. К сожалению, тексты, дающие нам представление о зарождении философии, сильно пострадали и позволяют лишь догадываться о том, какого рода вопросы ставили софисты и наследники Моцзы[37]. Во всяком случае, современники очень мало инте-

[37] О китайских софистах и логиках см.: *Hu Shi.* The development of the logical method in ancient China. Shanghai,1922; *Maspero H.* Notes sur la logique de Motseu, *T`oung-pao*. Leiden, 1927; *Granet M.* La pensee chinoise. Paris, 1934, p. 432-445;

ресовались этими изысканиями. В то время, когда глубоко ощущался нравственный кризис, когда все внимание привлекали практические проблемы администрации и военного дела, в этих изысканиях видели только пустую игру, вредную для ритуалов, правильности языка и укрепления государства.

II. — Индивидуалисты и анархисты

Но именно в противодействии новой форме государственной власти, складывавшейся под давлением военно-экономической необходимости, в IV и III вв. до н. э. обрели себя различные школы философской мысли, либо вовсе отрицавшие тиранию, либо не желавшие ее полного торжества или же всячески стремившиеся смягчить ее суровость.

В эпоху Борющихся царств в философских течениях возникли некоторые антиобщественные, анархические тенденции, которые позже, в эпоху империи, питали даосизм, одно из самых оригинальных и стойких философских течений китайской мысли. В философской школе даосов, к которой принадлежал гениальный писатель Чжуанцзы (369-286 гг. до н.э.), выражались основные из этих тенденций, но можно предположить, что существовало и более широкое движение, не сводившееся к даосизму. Осуждение роскоши, всего искусственного, техники и новых установлений было общим для основателей всех философских школ, более или менее близких к даосам. Они различались тем, что выделяли разные нравственные требования: одни учили не отвечать на оскорбления, видя в этом универсальное средство для мира между людьми, другие проповедовали покорность течению жизни и эгоистическую самодостаточность, третьи говорили о самоценности индивидуума и требовали, чтобы каждый сам производил все необходимое ему для жизни. Все они, выдвигая идеал аскезы и независимости, несомненно, имели в виду самые малые и изолированные сельские общины, служившие живым примером.

Даосы отдаленные смутные времена, когда люди не знали утонченной цивилизации, считали золотым веком. Технический прогресс, всякое новое учреждение они считали новым шагом к порабощению человека и падению его естественных добродетелей. Та же любовь к исконно-нерасчлененному заметна у них и на понятийном уровне: подражая софистам, даосы любили разрешать антиномии. Все различия они считают искусственными. Большое и малое, жизнь и смерть имеют смысл только в противоположности друг другу, а в абсолютном измерении становятся одним и тем же: все во всем.

Отказ от всякого обращения к рассудку, неприятие жизни в обществе с его ограничениями, замкнутость в себе доведены у даосов до предела. Но не следует ли видеть здесь здоровую реакцию на наступление тирании?

Если некоторые представления, дошедшие из глубочайшей древности, несмотря на развитие нравственной рефлексии и рациональной философии в V—III вв. до н. э., не исчезли бесследно, то этим мы больше всего обязаны даосам. Размышления моралистов были основаны на мысли о том, что образцом человеческому поведению служит космический порядок, а ритуалы действенны всегда и повсюду. Но в то же самое время среди гадателей, знатоков *инь-ян,* заклинателей дождя на протяжении всех трех столетий, прославленных именами самобытных мыслителей, сохранялся целый арсенал религиозно-магических приемов (в том числе регулирования дыхания, умственного сосредоточения, оздоровляющей диетологии). Этот поток суеверий захлестнул множество очень рано полученных эмпирических знаний, с удивлением открываемых ныне историками науки[38]. Суеверия широко возродились в ханьскую эпоху, когда проблемы общественно-политического строя казались решенными.

Kou Pao-koh. Deux sorhistes chinois. Paris, 1953.

[38] Сошлемся на прекрасное исследование: *Needham J.* Science and civilization in China. 15 vol. 1954—1989.

III. — Теоретики государства

Школе даосов и всем близким к ним философским учениям в IV и III в. до н. э. противостояли реалистические, прозорливые теоретики государства.

Поскольку принципом поведения всякого человека стала выгода, которая служила началом беспорядка, и только наказаниями можно было обуздать разгул страстей, новый порядок должен был быть построен на выгоде и страхе, а не на морали, бессилие которой стало очевидным. Хитроумная система наказаний и наград, основанная на корыстолюбии, тщеславии и страхе, способна сохранить государство от краха, а затем обеспечить ему военное превосходство. Но эта система наказаний и наград должна быть связана только с личностью государя: если государь хотя бы малейшую часть своей власти передаст третьим лицам, вновь возродятся клиентелы и установится беспорядок. Публичные, известные всем наказания и награды, а также все, что позволяет создать эффективный контроль за гражданскими и военными должностными лицами и способствует строгому выполнению распоряжений государя: средства передачи и доказательства подлинности распоряжений: официальные печати, двухчастные таблички, счета, письменные отчеты чиновников об управлении — обеспечивают объективный и беспристрастный способ правления. Добросовестность, преданность, честность излишни. Вопрос выбора людей, казавшийся таким важным для Моцзы и волновавший моралистов — ложная проблема. От старого понятия о лучших людях (в котором объединялись знатность и личное достоинство, доказанное ритуальными испытаниями и сверхъестественными знаками), управляющих государством, теперь отказались. Чиновник нового государства — легко заменяемый человек средних способностей, а его поведение, как и поведение всех подданных, регламентируется сводом постановлений закона, исходящих из самых элементарных чувств обывательской психологии: желании богатства и социального роста, страхе наказания.

Но почему «легисты» так доверяли объективным свидетельствам, откуда беспредельное стремление все оформлять на письме? Да потому, что эти методы управления уже показали себя в администрации некоторых царств, а также в крупной торговле и предпринимательстве: на рудниках, в плавильнях, солеварнях, больших ремесленных мастерских. Новая ментальность родилась в социальной группе богатых купцов-предпринимателей, привыкших к ведению счетов, к употреблению монеты, оформлению контрактов, делавших ставку на жажду наживы и стремление к роскоши, использовавших простую, но эффективную психологию, к которой их приучил опыт коммерческих сделок. Они находились в тесном контакте с главами государств: ведь часто они управляли своими предприятиями, работая на государей и делясь с ними прибылями. Их интересы совпадали с царскими: им также была выгодна политическая централизация, единообразие законов, мер и весов, уничтожение клиентел и привилегий. Некоторые из них служили советниками государей: например Фань Ли, министр царства Юэ, который около 500 г. до н. э. первым говорил о необходимости «обогащения государства и усиления войска»; Бай Гуй, который был купцом-предпринимателем, инженером-гидрографом и служил министром у вэйского князя Хуя; наконец, купец Лю Бувэй, купец и сын купца, советник государя Цинь в середине III в. до н. э.

У этих людей мы обнаруживаем позитивный, рациональный строй мысли. Но успех коммерческого предприятия не всегда с однозначной определенностью следует из расчета и рассуждения. Важную роль здесь играет также удача, хитрость, чутье. Людьми тоже нельзя управлять чисто рационально. Примечательно, что у так называемых легистов об удаче, хитрости, секретах подчас говорится больше, чем о положительных способах управления: публичности законов, системе наказаний и наград, способах делопроизводства. Связь мышления легистов с образом мыслей первых руководителей китайских предприятий проявляется со всей отчетливостью.

Впрочем, закон в понимании легистов не имел того абстрактно-всеобщего характера, как могло бы показаться нам. Для них закон — это не просто кара за преступления, а соглашение между людьми ради обеспечения порядка. У легистов есть более отдаленная цель: учреждая систему наказаний и наград, они имели в виду установить порядок, который действовал бы автоматически и, в конечном счете, никак не зависел бы от искусства управления. Цель закона— приучить подданных к новому образу поведения, поскольку традиционное поведение стало основной причиной беспорядка и выявилась необходимость реформы нравов. Таким образом, в отдаленном будущем закон должен иметь воспитательную функцию. Идеальное государство для легистов, как и для моралистов-конфуцианцев, — такое государство, в котором не нужно будет прибегать к наказаниям.

IV. — Учение о морали и обществе

Проблемы логики и физики, столь занимавшие западных философов, мало интересовали китайских философов эпохи Борющихся царств, за исключением учеников Моцзы. В V в. до н. э. поиски того, как можно вновь привести в порядок страну и мир, были всего лишь забавами праздных умов. Большинство философских школ эпохи Борющихся царств занималось проблемами управления государством и человеком как общественным существом. Здесь не было места незаинтересованному созерцанию.

Реализм сочинений легиста Хань Фэйцзы, напоминающий рассуждения Макиавеллц в «Государстве», свойственен и моралисту III в. до н. э. Суньцзы[39], самому глубокому мыслителю своего времени. Он также смотрит на человека без иллюзий, не оставляет места ни сверхъестественным силам, ни судьбе. Человек может рассчитывать лишь на самого себя. Но зато он сам хозяин своей судьбы: «Кто мало тратит и усердно работает, того Небо не может сделать бедным». Что такое «Небо»? Это не та божественная сила, которая для Моцзы, да и для простолюдинов — современников Сюньцзы, посылала людям блага и скорби, смотря по их поступкам, а сама природа с ее порядком и регулярностью, проявляющимся во вращении небесных тел и неотвратимой смене времен года. Даже необычайные явления, ставшие предметом множества суеверий, по мнению Сюньцзы, наверняка не выходят из пределов нормы: ведь природные катаклизмы, затмения и всякого рода чудеса происходили всегда, начиная с самой глубочайшей древности. Они кажутся ненормальными лишь потому, что связаны с длинными циклами, которые нельзя наблюдать на протяжении одной человеческой жизни.

Решимость ничего не объяснять иррациональными причинами (удачей, судьбой, божественным вмешательством), и ставить человеческое поведение в зависимость лишь от разума выражает дух эпохи. Во времена Сюньцзы уже была доказана эффективность деятельной дисциплины в государстве и в войске. Вот почему, несомненно, Сюньцзы удалось раскрыть социальный характер нравственности и создать первое учение об обществе.

Социальный порядок похож на природный; его создали и поддерживают потребности общей жизни и разделение труда. Из похотей и страстей рождаются смуты, распри и преступления. Значит, человеческая природа должна быть исправлена воспитанием, инстинкты следует обуздать государственными установлениями. Обряды и обязанности дают обществу целостность и помогают распределить почести между людьми. Именно благодаря им каждый получает свой жребий *(фэнъ).* В конечном счете, одни законы не могут привести к мирному согласию между людьми. Поскольку законы остаются внешними по отношению к разуму, постольку они играют лишь второстепенную роль. Гораздо действеннее контроль за собой и полученные воспитанием привычки. Важнее закона также естественное распределение задач и занятий, превращающих общество в орга-

[39] Принятые даты жизни Сюньцзы: ок. 289—238. — *Прим. пер.*

ническое единство.

Примат морали, нечувствительной сдерживающей силы — несомненно, одна из самых характерных черт китайской мысли. Китайцы придавали мало значения объективным условностям и правилам. Договор и добрая воля, закон и мораль противоположны друг другу. Основа всего — внутреннее расположение человека. Истинная добродетель начинается с искренности — образа поведения почти религиозного и даже основанного на религии: боги не принимают жертв от тех, чьи намерения нечисты. Как говорил Моцзы, «добродетель, не имеющая начала в сердце, недолговечна».

Несмотря на глубокие различия между собой, и легисты, и последователи Конфуция утверждали необходимость прочного порядка, поддержание, а то и установление которого не должно зависеть от искусства и условностей. После непродолжительного правления династии Цинь, Китайская империя стала общим творением администраторов, воспитанных в духе легизма, и моралистов-обществоведов в духе Суньцзы.

Глава VII

ИМПЕРИЯ

Давно существовала точка зрения, что объединение Китая под властью императора произошло вследствие стремительных победоносных кампаний, позволивших государству Цинь победить и завоевать все остальные китайские царства. Были доказаны талант стратегов и высочайшая организованность этого государства, еще в V в. до н. э. слабого и отсталого. Но после того как археологические исследования обогатили наши знания об эпохе Борющихся царств, ход исторического развития стал яснее: в действительности образование Китайской империи было лишь логическим завершением постепенного созревания процессов, происходивших на протяжении трех предшествовавших веков.

В войнах V в. до н. э. сталкивались еще весьма отличные друг от друга государства, постепенно возникавшие вокруг небольших городов, основанных в эпоху Шан и Западной Чжоу на большом удалении от первоначального очага цивилизации — Великой Китайской равнины. Их вражда усиливалась и благодаря культурному соперничеству. И хотя нам кажется несомненным, что все боровшиеся государства принадлежали к одной и той же цивилизации, современники этого родства почти не ощущали. В результате войны понемногу свелись на нет региональные различия и особенности, была создана истинная культурная общность вследствие непрерывного смешения населения, происходившего во время бесконечных ожесточенных схваток V, IV и III вв. до н. э., обменов заложниками, захвата пленных, технических заимствований, сознательных и бессознательных подражаний. Благодаря недавним археологическим открытиям были получены доказательства формирования морального и технического единства в китайском мире. Хотя к началу III в. до н. э. оно еще не оформилось политически, в умах и нравах объединение Китая уже произошло.

I. — Завоевание страны

Государство Цинь достигло экономического могущества благодаря двум историческим событиям. Во-первых, завоеванию «Красной долины» — плодороднейшей области Чэнду в Сычуани (316 г. до н. э.) и большим ирригаци- онным работам, проведенным там около 300 г. до н. э., а также сооружению 150-километрового канала, соединившего реки Цзинхэ и Северная Лохэ, который позволил увеличить урожаи на огромных площадях обработанных земель.

Проявлением экономической политики царства Цинь явилась также практика, в конце IV—III вв. до н. э., вероятно, достаточно распространенная во многих государствах,

но именно в Цинь, несомненно, она использовалась особенно широко: чтобы привести в равновесие производство зерна с плотностью населения, китайские государства прибегали к массовым переселениям людей. Так, в 239— 235 гг. до н. э. в Цинь произошло несколько переселений такого рода, а чтобы заселить окрестности столицы (современный Сяньян на левом берегу Вэйхэ), туда переселили 120000 благородных семей.

Но прежде всего своим поразительным могуществом накануне объединения Китая Цинь было обязано административной и военной организации, значительно превосходившей все остальные царства. Радикальные реформы Гунсунь Яна, правителя Шан[40], в середине 1У в. до н. э. превратили одно из самых отсталых царств китайского мира в подлинную великую державу. При последнем же государе Цинь — основателе единой империи — меры, предпринятые реформатором Ли Сы (280?—208 гг. до н. э.), упрочили дело Гунсунь Яна.

Будущий первый китайский император Ши Хуанди или, вернее, просто Хуанди (Верховный государь), как он сам себя именовал[41], пришел к власти в Цинь 22 лет от роду в 238 г. до н. э. В течение последующих семнадцати лет ему удалось подчинить своей власти все остальные китайские царства. Довольно краткого перечисления того, каким образом Цинь добивалась военного господства, чтобы убедиться, что это были дьявольские меры: обширный план шпионажа и подкупа, состоявший, в общем, в оценке расходов, необходимых, чтобы купить совесть Неприятельских министров и военачальников. Когда корыстолюбие не помогало, прибегали к убийству. Когда же предательство свершалось, а преданные защитники убирались, вступали в дело циньские войска. Так в 230 г. до н. э. погибло царство Хань, в 228 г. до н. э — Чжао, в 225 г. до н. э. — Вэй, в 223 г. до н. э. — Чу и наконец в 221г. до н. э. последний опасный противник — Ци.

II. — Объединение Китая

Завершив завоевание всей страны, правитель Цинь начал грандиозное дело политической и административной унификации этого огромного пространства, причем меры, предпринятые для создания империи, были еще радикальнее и жестче, нежели реформы в Цинь середины IV в до н. э..

Вся территория прежних царств была разделена на 36 административно-военных округов. Все уделы окончательно упразднялись, «ибо все беды мира происходят от того, что есть князья и владетели» — последующие династии на своем горьком опыте не раз убеждались в справедливости этого изречения. Единицы мер, принятые в Цинь после реформ IV в., были введены по всей империи[42]. Отныне в Китае существовала только одна монета (медная с отверстием), один образец письма, один уголовный и административный кодекс, одинаковая упряжь для повозок. Чтобы обеспечить контроль за самыми отдаленными районами, Циньское государство в 220 г. до н. э. начало строить сеть дорог шириной 7,5 м, обсаженных деревьями. Тогда же были срыты все крепостные сооружения предшествующих времен, чтобы императорское управление не встречало препон и никакой мятежник не мог бы за ними укрыться (городские стены, оборонительные сооружения на горных перевалах,

---

[40] В отечественной традиции известен как Шан Ян. — *Прим. пер.*

[41] Согласно новейшим работам, именование Ши Хуанди (Первый верховный государь) появилось уже после времени правления первого китайского императора. [Однако он издал указ, по которому последующие императоры должны были именоваться Эрхуанди, Саньхуанди и т.д. до бесконечности (Второй, Третий и т.д. верховный государь). На деле династия Цинь пресеклась на втором императоре. В российской науке основатель империи именуется Цинь Шихуан или Цинь Шихуанди. — *Прим. пер.)*

[42] Недавно в Сяньяне (столице империи Цинь) была обнаружена бронзовая табличка с текстом указа, которым Ши Хуанди декретировал единые меры по всей империи.

укрепления, построенные в некоторых царствах для защиты от соседей).

Система коллективной ответственности групп из нескольких семей была распространена повсюду и сохранилась еще в начале правления династии Хань. Наказания в целом стали более строгими и жестокими.

Империя Цинь предполагала установить в китайском мире не только свой политический строй, подкрепленный полицейским надзором, но и режим нравственного конформизма. Повсюду должно было царить самое суровое пуританство; поведение женщин было ограничено особо суровыми законами. Вдовам, имеющим детей, не дозволялось выходить замуж. Прелюбодея, застигнутого на месте преступления, можно было убить, и убивший не подлежал наказанию[43].

Занятия искусством и литературой в Цинь резко осуждались. В 213 г. до н. э. произошло знаменитое «сожжение книг»: классические книги, по которым учились в школах, все сочинения, выражавшие «частное знание» и «порочившие настоящее перед прошлым», были уничтожены, были сохранены только сочинения по медицине, фармакопее, гаданию по черепаховым панцирям и стеблям тысячелистника, земледелию и садоводству. Правда, следствия «сожжения книг» были, по-видимому, менее разрушительными, чем по пристрастному свидетельству ортодоксального предания. Ученые-конфуцианцы изгонялись и, если это было возможно, уничтожались физически. Повсюду должно было царить единомыслие: «Люди должны изучать только законы государя и учиться только у назначенных им чиновников».

В этом новом мире не было места свободе ремесла и торговли. Крупные купцы-предприниматели, до объединения китайских государств видевшие помеху своей деятельности в сохранении феодальных структур, извлекавшие выгоду из политической централизации и подчас бывшие ее вдохновителями, стали и первыми жертвами императорской власти. Приоритет отдавался сельскохозяйственному производству, а всякая торговая деятельность резко ограничивалась, львиная же доля доходов от торговли сосредотачивалась в руках государства. Богатые купцы, владевшие плавильными заводами, ссылались на юг Шэньси и в Сычуань, а по некоторым документам 200000 семейств мелких и крупных торговцев были переселены в область Шу и район Наньян (южнее нынешнего Лояна), где, несомненно, принудительно работали в поле.

III. — Падение империи Цинь

Абсолютистское государство, существовавшее в такой форме, устроенное по единому образцу, не признававшее никаких родственных связей, вовсе не оставлявшее места досугу и искусству, не могло быть долговечным. Через несколько лет после смерти своего основателя, случившейся в 210 г. до н. э., оно рухнуло. Царство Цинь — а оно всегда было бедным и отсталым[44] — давно привыкло к той тяжелой трудовой жизни, к которой государи принудили их реформами IV в. до н. э. Но другие, более развитые области Китая не могли вынести столь тяжкого бремени после того, как военное поражение погрузило их

---

[43] Пуританские нравы, весьма заметные в эпоху Хань и обычно объяснявшиеся влиянием ученых конфуцианцев, могли быть и наследием империи Цинь.

[44] Уже довольно поздно, в 361 г., жители других царств считали Цинь отсталой полуварварской страной. В 266 г. один дворянин из царства Вэй выносил Цинь такой приговор: «У людей из Цинь те же обычаи, что у варваров Жун и Ди. У них тигриные и волчьи сердца. Они алчны, двуличны, скупы и легкомысленны и способны презирать родственные связи, когда речь идет об их выгоде». Принятые в других царствах зимние жертвоприношения в Цинь впервые состоялись лишь в 326 г. Другой признак грубости нравов царства Цинь: только в 327 г. циньский двор отказался от своей традиционной музыки, состоявшей в том, что музыканты «колотили в глиняные горшки и кувшины, стучали костями и кричали: У! У!» и принял утонченную музыку царств Чжэн и Вэй. Рассказывали также, что в 307 г. циньский царь У умер вследствие пари, религиозное значение которого очевидно: он пытался поднять бронзовый треножник. Но это лишь одно из многих подтверждений грубости циньцев.

в нищету и бесправие. Невзирая на политические перемены, они сохранили свои общественные и культурные традиции. Кроме того, большие оборонительные работы, предпринятые империей в зоне степей (где нарастало давление сюнну), строительство широких дорог и почтовых станций, большие работы для содержания столицы, где Ши Хуанди задумал построить так и оставшийся неоконченным огромный дворец, воспроизводивший по прежним планам дворцы всех покоренных царей, и устроить себе огромную роскошную гробницу, вырытую в огромном холме — словом, множество грандиозных предприятий, а также походы, имевшие целью распространить императорскую власть до южных пределов и оборонить империю со стороны степей, умножали нужду и страдания. Вследствие общего недовольства, империю Цинь захлестнула анархия.

В 206 г. до н. э. на смену Цинь пришла династия Хань, и начался постепенный возврат в прошлое: возродились клиентские отношения и традиции, существовавшие до имперской унификации. Наряду с этим появилась в управлении государством новая фигура: ученый чиновник, в котором совмещались черты администратора-легиста и порядочного человека в понимании моралистов-конфуцианцев. При всем том, административное устройство китайского мира, его государственная инфраструктура были заданы раз и навсегда. Династия Цинь оказалась недолговечной, но сумела выковать всекитайское единство и сделать Китай одной из величайших империй в истории. Она оставила ему и название: принято считать, что название *China* появилось в Европе первоначально благодаря шелковым тканям из империи Цинь.

Конечно, развитие китайского мира далеко не завершилось со смертью первого императора и основанием империи Хань. При многих других династиях в Китай из оазисов Средней Азии многократно проникали иноземные культуры. Его не раз полностью или частично завоевывали кочевники монгольских степей и Маньчжурской равнины. В IV—IX вв. глубокие перемены в китайский дух внесет буддизм, а новую жизнь Китаю придаст развитие области низовьев Янцзы в XI в. Но все эти перемены будут происходить в рамках, заданных в первые годы империи. В обширной земледельческой державе образовался необычайно стабильный, несмотря на все нашествия, войны и мятежи, мир. Этот мир перенес все опасности, которые несли ему захват земель богачами и вторжения варваров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антология даосской философии. М., 1994.

Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1988.

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.

Гулик Роберт ван. Сексуальная жизнь в Древнем Китае. СПб., 2000.

Gernet J. A. History of Chinese Civilisation. Cambridge, London, new York, 1982.

Ирхин Ю.В. Политическая мудрость древнего Востока: взгляд из XXI века на политические идеи Древнего Египта, Вавилона, Индии и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2000. № 2.

История китайской философии / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 1989.

История Китая / Под. ред. А.В. Меликсетова. М., 1997.

Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.

Кравцова М.Е. Поэзия древнего Китая. Опыт культурологического анализа. СПб., 1994.

Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.

Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Че-боксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
Малявин В.В. Гибель древней империи, М.,1983.
Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
Маслов А.А. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина». М., 1996.
Маслов А.А. Непостоянство вечности. Лао-цзы: миф, человек и его книга. Нью-Йорк, 1999.
Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь Юй». М., 1998.
Переломов. Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
СымаЦянъ. Исторические записки. М., 1972-1987. Т. 1-5.
Титаренко МЛ. Древнекитайский философ Мо-ди и его учение. М., 1985.
Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976.
Фицжералъд С.П. Китай. -Краткая история культуры. СПб., 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I Источники и хронологические рамки 13
I. Источники 13
П. Хронологические рамки 17

Глава II Доисторическая эпоха и начало китайской цивилизации 23
I. Палеолит 23
И. Неолит 25
III. Начало цивилизации бронзового века 30

Глава III Архаическая эпоха: Шан и

Западная Чжоу (около XVIII-VIII вв. до н. э.) 36
I. Экономика и общество 36
II. Духовный мир 59

Глава IV Период государств-гегемонов:

переход от архаической эпохи к эпохе

военных государств (VII-VI вв. до н. э.) 70
I. Изменения в экономике и окружающей среде 70
II. Формирование территории Китая 74
III. Становление государств-гегемонов 78
IV. Политические события 82
V. Изменения в социальном строе и общественном сознании 83

Глава V Образование воинских

государств (середина VI в.—
221 г. до н. э.) 89
I. Железный век 89
И. Реформы 95
III. Война 102
IV. Большие общественные
работы 109
V. Развитие ремесел
и торговли 114
VI. Исторические события 119

Глава VI Идейные течения в эпоху

образования воинских государств 122
I. Учителя V века до н. э.:
Конфуций и Моцзы 124
П. Индивидуалисты
и анархисты 129
III. Теоретики государства 132
IV. Учение о морали и обществе 136

Глава VII.
Империя 142
Завоевание страны 143
Объединение Китая 146
Падение империи Цинь 149
Библиография 153

В 206 г. до н. э. на смену Цинь пришла династия Хань, и начался постепенный возврат в прошлое: возродились клиентские отношения и традиции, существовавшие до имперской унификации. Наряду с этим появилась в управлении государством новая фигура: ученый чиновник, в котором совмещались черты администратора-легиста и порядочного человека в понимании моралистов-конфуцианцев. При всем том, административное устройство китайского мира, его государственная инфраструктура были заданы раз и навсегда. Династия Цинь оказалась недолговечной, но сумела выковать всекитайское единство и сделать Китай одной из величайших империй в истории. Она оставила ему и название: принято считать, что название *CHma* появилось в Европе первоначально благодаря шелковым тканям из империи Цинь.

Конечно, развитие китайского мира далеко не завершилось со смертью первого императора и основанием империи Хань. При многих других династиях в Китай из оазисов Средней Азии многократно проникали иноземные культуры. Его не раз полностью или частично завоевывали кочевники монгольских степей и Маньчжурской равнины. В IV—IX вв. глубокие перемены в китайский дух внесет буддизм, а новую жизнь Китаю придаст развитие